

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК

№ 17/2

2019

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научно-практический журнал

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых комму-
никаций (Роскомнадзор) от 25 сентября 2009 г.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-37683

Учредитель –
Южный федеральный университет

Главный редактор –
академик РАО,
д. биол. наук, профессор
Ермаков П. Н.

Журнал издается с 1996 г.,
выходит 2 раза в год
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Научно-практический журнал
2019 г. № 17/2

Выпускающий редактор –
Буняева М. В.

Ответственный секретарь –
Алексеева Д. С.

Компьютерная верстка –
Проненко Е. А.

Редакционный совет

д. пс. наук, профессор Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Асмолов А. Г.
(МГУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Аллахвердов В. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Бондырева С. К.
(МПСУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Знаков В. В. (МГУ, Москва)
член-корреспондент РАО, д. пс. наук, профессор Карпов А. В.
(ЯрГУ, Ярославль)

академик РАО, д. пед. наук, профессор Малофеев Н. Н.
(ИПП РАО, Москва)

д. пс. наук, профессор Марьин М. И. (МГППУ, Москва)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Рубцов В. В.
(МГППУ, Москва)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Реан А. А.
(Высшая школа экономики, Москва)

д. пс. наук, профессор Рыбников В. Ю.
(ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург)

д. пс. наук, профессор Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Черноризов А. М. (МГУ, Москва)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Шадриков В. Д.
(ЯрГУ, Ярославль)

Редакционная коллегия

член-корреспондент РАО, д. пс. наук,
профессор Абакумова И. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. биол. наук, Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Белоусова А. К. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Джанерьян С. Т. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

канд. пс. наук, Дикая Л. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Кагермазова Л. Ц. (КБГУ, Нальчик)

д. пс. наук, Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Рюмшина Л. И. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Сидоренков А. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. филос. наук, Шкуратов В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Щербакова Т. Н. (ГБУ ДПО РО РИПК и ППРО, Ростов-на-Дону).

Адрес редакции:

344006, Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 140, ком. 114.

E-mail: editor@rpj.ru

Подписано в печать 20.12.2019
Дата выхода в свет: 30.12. 2019
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая.
Тираж 100 экз.

Перепечатка материалов только по согласованию с Редакцией.

© Северо-Кавказский психологический вестник, 2019

© ООО "КРЕДО", 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ И МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ 5

Арутюнян В. Э., Воробьева Е. В.

Психологические особенности подэкспертных и специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфа 5

Сетянова Е. Б.

Взаимосвязь дисморфофобического расстройства с другими психическими расстройствами 13

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ 20

Олейников Д. С., Рыбчинский В. П.

Барьеры проявления креативности у старшеклассников 20

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ 26

Васильева О. С., Мачуха А. М.

Проблема изучения личностной зрелости в психологии 26

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ 37

CONTENTS

PSYCHOPHYSIOLOGY AND MEDICAL PSYCHOLOGY	5
Arutyunyan V. E., Vorobyeva E. V. Psychological features of experts and special psychophysiological research using a polygraph.....	5
Setyanova E. B. Comorbidity of body dysmorphic disorder	13
EDUCATIONAL PSYCHOLOGY	20
Oleynikov D. S., Rybchinskiy V. P. Barriers of creativity in high school students	20
PSYCHOLOGY OF PERSONALITY	26
Vasilyeva O. S., Machukha A. M. Psychological issues in studying personal maturity	26
REQUIREMENTS TO PUBLICATIONS	38

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДЭКСПЕРТНЫХ И СПЕЦИАЛЬНОЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИГРАФА

Виктория Э. Арутюнян^{1,2}, Елена В. Воробьева^{2*}

¹ Филиал № 2 ФГКУ «Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз» Министерства Обороны РФ, г. Ростов-на-Дону, Россия

² Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

* E-mail: evorob2012@yandex.ru

Данная статья представляет собой литературный обзор научных работ, посвященных методике и основным проблемам, возникающим в ходе проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа. В ходе полиграфной проверки внешние стимулы-вопросы вызывают у обследуемого психофизиологические реакции, которые, согласно теории Ю. И. Холодного, связаны со следами памяти о прошедших событиях.

В работе описана стандартная процедура специального психофизиологического исследования с применением полиграфа, включающая сбор данных, предтестовую беседу и само психофизиологическое обследование, а также посттестовую беседу и составление заключения. Однако, с целью исключения возможных ошибок в проведении специального психофизиологического исследования с применением полиграфа, эксперт в обязательном порядке должен учесть психологические особенности подэкспертного, проявляющиеся как характеристики процессов восприятия, памяти, внимания, мышления.

В данной статье описана специфика работы медицинского психолога в рамках проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа при осуществлении судебно-медицинских экспертиз, реализуемых как в рамках уголовных дел, так и в отношении кандидатов при призыве на военную службу в военные следственные органы.

В работе обсуждаются возможные ошибки эксперта-полиграфолога в случае отсутствия дополнительного психологического обследования подэкспертного.

Новизна авторского подхода заключается в подборе и апробации комплекса психологических методик для выявления психологических особенностей подэкспертных до осуществления специального психофизиологического исследования с применением полиграфа.

В работе, на основании проведенного литературного обзора научных данных, а также обобщения опыта практической работы по проведению специального психофизиологического исследования с применением полиграфа при осуществлении судебно-медицинских экспертиз, показана необходимость диагностики психологических особенностей подэкспертных.

Ключевые слова

полиграф, психофизиологическое исследование, психологические особенности подэкспертных, экспертная ошибка

Для цитирования: Арутюнян В. Э., Воробьева Е. В. Психологические особенности подэкспертных и специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфа // Северо-Кавказский психологический вестник. 2019. № 17/2. С. 5–12.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF EXPERTS AND SPECIAL PSYCHOPHYSIOLOGICAL RESEARCH USING A POLYGRAPH

Viktoriya E. Arutyunyan^{1,2}, Elena V. Vorobyeva^{2*}

¹ Branch No. 2 of FSGI "The Main State Center for Forensic and Forensic Expertise" of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

² Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author. E-mail: evorob2012@yandex.ru

This article is a literary review of scientific works devoted to the methodology and the main problems that arise during a special psychophysiological study using a polygraph. During a polygraph test, external stimuli-questions provoke psychophysiological reactions in the subject, which, according to the theory of Yu. I. Kholodnyi, associated with traces of memory of past events.

The paper describes the standard procedure for a special psychophysiological study using a polygraph, including data collection, a pre-test conversation and the psychophysiological examination itself, as well as a post-test conversation and a conclusion. However, in order to exclude possible errors in conducting a special psychophysiological study using a polygraph, an expert must take into account the psychological characteristics of the subject, manifested as characteristics of the processes of perception, memory, attention, thinking.

This article describes the specifics of the work of a medical psychologist in the framework of a special psychophysiological study using a polygraph during forensic medical examinations, which are carried out both in criminal cases and with respect to candidates for military service in military investigative bodies.

The paper discusses the possible mistakes of an expert polygraph examiner in the absence of an additional psychological examination of an expert.

The novelty of the author's approach lies in the selection and testing of a set of psychological techniques for identifying the psychological characteristics of the subject before conducting a special psychophysiological study using a polygraph.

On the basis of a literature review of scientific data, as well as a summary of practical experience in conducting a special psychophysiological study using a polygraph in the implementation of forensic medical examinations, the necessity of diagnosing the psychological characteristics of the subjects is shown.

Keywords

polygraph, psychophysiological research, psychological characteristics of sub-experts, expert error

For citation: Arutyunyan V. E., Vorobyeva E. V. Psychological features of experts and special psychophysiological research using a polygraph. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2019, no. 17/2, pp. 5–12 (in Russian).

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях сохраняют высокую актуальность методы выявления скрываемой информации, применение которых необходимо как в кадровых (скрининговых) проверках, так и в ходе проверок, направленных на выявление виновности подэкспертного в противоправных деяниях [1, 2]. В ходе аппаратного психофизиологического опроса с применением полиграфа самому тестированию предшествует большая работа эксперта по сбору информации о подэкспертном, предтестовая беседа, в ходе которой осуществляется визуальная оценка невербальных признаков лжи [3, 4].

Интересны и результативны попытки сочетать инструментальную детекцию лжи с применением полиграфа и регистрацию вызванной активности мозга [5, 6, 7]. Сочетание регистрации полиграмм с записью электрической активности мозга и регистрацией окулографической активности также представляется перспективным направлением работы [8, 9].

Большое внимание традиционно уделяется анализу способов противодействия полиграфу со стороны подэкспертного и методам их нейтрализации, а также условиям проведения опроса, мотивации подэкспертного к участию в опросе, посттестовой беседе и требованиям к составлению заключения по результатам проверки [10, 11].

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

В истории разработки и развития метода специального психофизиологического исследования с применением полиграфа были выдвинуты различные теоретические подходы к возникающим психофизиологическим реакциям у подэкспертного в ходе его проверки на полиграфе [5]. В основе специального экспертного психофизиологического исследования с применением полиграфа (далее по тексту ПФЭ) лежит так называемый психофизиологический феномен связи внешних стимулов, которые в случае непосредственного участия человека в исследуемом событии оставляют информационный след в памяти этого человека и, в свою очередь, имеют выход в виде повышенной нейронной активности структур мозга и, как следствие, регистрируются полиграфом как физиологические реакции [12].

Гипотеза о взаимосвязи психологических особенностей (характеристик) и величин психофизиологических реакций подэкспертного не раз выдвигалась в научном сообществе. Актуальным остается вопрос о том, какие именно психологические особенности подэкспертного имеют устойчивую взаимосвязь с характеристиками его психофизиологического реагирования [13].

Индивидуальная форма реагирования подэкспертного (далее – симптомокомплекс реакций на субъективно значимые для него вопросы) проявляется в изменениях динамики дыхания, электрической активности кожи, сердечно-сосудистой деятельности и двигательной активности [14].

Большинство допускаемых экспертами ошибок совершаются именно при установлении индивидуального симптомокомплекса картины психофизиологического реагирования подэкспертного. С целью исключения таких ошибок эксперт в обязательном порядке должен учесть следующие характеристики психологических когнитивных процессов подэкспертного – особенности его восприятия, памяти, внимания, мышления, а также особенности реагирования в стрессовой ситуации [15]. Речь идет о том, что эксперт должен владеть данными об отсутствии у подэкспертного искаженной картины восприятия; исключить вероятность патологии памяти у подэкспертного; оценить темп, тип мышления и отсутствие диссоциаций между эмоциональной сферой подэкспертного и его мышлением. Далее, располагая вышеперечисленными данными, эксперт может выявить тенденции корреляционной зависимости между этими психологическими величинами и величинами психофизиологических реакций подэкспертного [16]. Например, велика вероятность наблюдения следующей психофизиологической картины реагирования: чем меньше у подэкспертного степень вработываемости, тем ниже гиперреактивность его психофизиологических реакций [17].

Представления человека, который добровольно согласился пройти психофизиологическое исследование с применением полиграфа, о предстоящем тестировании основываются на общедоступной информации о полиграфе. Так, многим известно, что исследование оцени-

вается как продолжительная по времени стрессовая ситуация, притом, что инструментальная часть экспертного исследования с применением полиграфа – монотонная [18]. Логично, что организм человека начинает заблаговременно готовиться к предстоящей деятельности. Размышления подэкспертного о предстоящей ему деятельности, так называемый «идеомоторный акт», вызывают определенные предрабочие сдвиги в нервно-мышечной системе, соответствующие характеру ожидаемой нагрузки. Во избежание пропуска цели, когда эксперт в ходе основной части исследования в психофизиологических реакциях, вызванных, например, «идеомоторным актом», ошибочно увидит психофизиологические реакции, характерные для противодействия процедуре, в ходе подготовительного этапа необходимо психологическое тестирование [19].

Кроме того, имеется отрицательная корреляция психической устойчивости и зашумленности картины психофизиологического реагирования. При хорошей психической устойчивости подэкспертного ожидаемо отсутствие гиперреагирования [17].

Эксперт, осуществляющий аппаратный психофизиологический опрос с применением полиграфа, обязан соблюдать требования к оформлению заключения по результатам экспертного исследования, при этом не допуская в заключении суждений, основанных на догадке, предположении. Каждое доказательство должно подлежать оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела [11].

Основным объектом исследования специального психофизиологического экспертного исследования с применением полиграфа СПФЭ (специального психофизиологического исследования с применением полиграфа (СПФИ)) являются реактограммы (полиграммы) – зарегистрированные полиграфом психофизиологические реакции подэкспертного (исследуемого) лица. Анализ реактограмм (полиграмм), полученных при проведении экспертизы (исследования), требует применения специальных знаний. Каждая реактограмма (полиграмма) подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости и достовер-

ности, а в совокупности анализ оценки реактограмм (полиграмм) должен быть достаточным для разрешения вопросов, поставленных к разрешению перед экспертом (специалистом) [20].

Обобщенные выводы эксперта (специалиста) должны основываться на анализе и обработке полученной в ходе экспертизы (исследования) информации, на анализе реактограмм (полиграмм). При этом в обязательном порядке должны учитываться психологические особенности подэкспертного (исследуемого) лица. Обобщенные выводы не должны содержать противоречивых выводов.

Диагностика и установление особенностей мышления и восприятия подэкспертного (исследуемого) лица с последующим установлением тенденций их взаимосвязей с особенностями психофизиологических реакций является одним из условий, позволяющим существенно повысить эффективность проводимых экспертных исследований.

Также можно соотносить особенности мышления подэкспертного и устойчивость симптомокомплекса картины психофизиологического реагирования в ходе всего экспертного психофизиологического исследования с применением полиграфа. Так, у подэкспертных с выраженным логико-математическим мышлением практически не наблюдается гиперреагирования, в отличие от подэкспертных с преобладающим визуально-пространственным мышлением. Стимулами в ходе ПФЭ являются вопросы, задаваемые экспертом, направленные на образование у подэкспертного образов, связанных с исследуемой ситуацией. В случае, когда у подэкспертного выражено визуально-пространственное мышление, то в конкретных образах, создаваемых воображением, раскрываются те или иные отвлеченные мысли, не относящиеся к обстоятельствам исследуемой ситуации.

В ходе психофизиологической экспертизы с применением полиграфа отделения в рамках судебно-психиатрической экспертизы осуществляется производство опроса (исследования, скрининговой проверки) с применением полиграфа в отношении кандидатов при призыве на военную службу в военные следственные органы, в целях выявления возможно скрываемой кандидатом негативной информации компрометирующего характера, препятству-

ющей призыву на военную службу в военные следственные органы. Производство психофизиологических исследований с применением полиграфа в ходе оперативных мероприятий на стадии отработки версий, в рамках производства проверок, производство психофизиологических экспертиз с применением полиграфа в рамках уголовных дел, – функциональные обязанности медицинского психолога подразделения психофизиологических экспертиз с применением полиграфа отделения судебно-психиатрической экспертизы предусматривают, среди прочего, проведение полного исследования предоставленных материалов, а также обследование подэкспертного с целью установления его психофизиологических особенностей, информация о которых в обязательном порядке должна учитываться при производстве психофизиологических экспертиз с применением полиграфа.

Проводится клинико-психологический анализ материалов уголовного дела с элементами контент-анализа; изучение объективного анамнеза жизни подэкспертного по документам и показаниям свидетелей; изучение субъективного анамнеза жизни по данным клинико-психологической беседы; изучение динамики психической деятельности подэкспертного в интересующий судебно-следственные органы период времени (в том числе и с помощью метода опосредованной ретроспективной диагностики психического состояния (ОРДПС)). Осуществляются наблюдение и клинико-психологическая беседа с подэкспертным. Применяется патопсихологический метод исследования познавательных процессов, с акцентом на качественный анализ данных, отличающихся от нормативных (методики: «Корректирующая проба», «Таблицы Шульце», «10 слов», «Пиктограммы», «Исключение лишнего», «Выделение существенных признаков», «Классификация», «Простые аналогии», «Сложные аналогии», «интеллектуальный тест Кеттелла (CF-2)», «Классификация» и др.). Применяются тесты-опросники: индивидуально-типологический опросник (ИТО), методика определения акцентуаций характера Леонгарда – Шмишека, методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла, стандартизированный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ), уровень субъ-

ективного контроля (УСК), метод диагностики межличностных отношений Т. Лири (ДМО) и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, своевременное выявление экспертом сведений о характеристиках психологических когнитивных процессов подэкспертного, о взаимосвязи психологических особенностей подэкспертного и особенностей психофизиологических реакций, предотвратит экспертную ошибку, повысит качество, эффективность и объективность исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракелов Г. Г. Использование полиграфа при отборе кадров // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2003. № 3. С. 33–44.
2. Исайчев С. А., Исайчев Е. С., Черноризов А. М. Системный подход к анализу поведения человека в процессе умышленного сокрытия информации // Восьмая международная конференция по когнитивной науке / под ред. А. К. Крылова, В. Д. Соловьева. Институт психологии РАН, 2018. С. 443–445.
3. Исайчев Е. С., Исайчев С. А. Методологические аспекты инструментальной «детекции лжи» // Мир психологии. 2016. № 4 (88). С. 202–214.
4. Экман П. Психология лжи [Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage] / пер. с англ. Н. Исуповой [и др.]. СПб.: Питер, 2009. 270 с.
5. Варламов В. А., Варламов Г. В. Психофизиология полиграфных проверок. Краснодар, 2000. 240 с.
6. Исайчев Е. С., Исайчев С. А., Насонов А. В., Черноризов А. М. Диагностика скрываемой информации на основе анализа когнитивных вызванных потенциалов мозга человека // Национальный психологический журнал. 2011. Т. 1, № 5. С. 70–77.
7. Дикий И. С. Динамика пространственно-временного распределения компонентов событийно связанных потенциалов в различных областях коры мозга при реализации ложных ответов // Северо-Кавказский психологический вестник. 2011. № 9/1. С. 9–13.
8. Кузнецов Д. А., Воробьева Е. В. К вопросу об использовании метода анализа электричес-

- кой активности мозга в сфере детекции лжи // *Личность в современном обществе: социализация, поведение, общение: Материалы Всероссийской научной конференции*. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2007. С. 155–158.
9. Яцык Г. Г. К вопросу об изучении оculoмоторного поведения человека в ситуации сокрытия значимой информации // *Северо-Кавказский психологический вестник*. 2016. № 14/1. С. 43–47.
10. Варламов В. А., Варламов Г. В. Противодействие полиграфа и пути их нейтрализации. Москва, Саратов: ПЕР СЭ, Ай Пи Эр Медиа, 2019. 192 с.
11. Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю. Инструментальная «детекция лжи»: акад. курс. Ярославль: Ньюанс, 2004. 264 с.
12. Холодный Ю. И. О необходимости фундаментальных исследований в сфере судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // *Фундаментальные и прикладные исследования в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Уфа: Изд-во БГУ, 2019. С. 275–281.
13. Дикий И. С. Современные психофизиологические методы выявления скрываемой информации. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. 124 с.
14. Krapohl D. J., Show P. K. Fundamentals of polygraph practice. San Diego: Academy Press, 2015.
15. Яцык Г. Г., Воробьева Е. В. Современные психофизиологические исследования решения когнитивных задач в условиях стресса // *Северо-Кавказский психологический вестник*. 2017. № 15/2. С. 39–49.
16. Дикий И. С., Дукая Л. А. Детекция скрываемой информации: психофизиологический подход. Ростов-на-Дону-Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2018. 142 с.
17. Арутюнян В. Э. Взаимосвязь психологических особенностей подэкспертного и особенностей психофизиологического реагирования в ходе исследований с применением полиграфа (на примере военнослужащих Южного военного округа) // *Актуальные проблемы науки и техники: Материалы национальной научно-практической конференции*. Ростов-на-Дону: Изд-во ДГТУ, 2019. С. 589–590.
18. Ермаков П. Н., Воробьева Е. В., Яцык Г. Г. Индивидуальные особенности стрессорного реагирования во время психофизиологического исследования с применением полиграфа // *Российский психологический журнал*. 2016. Т. 13. № 2. С. 156–168. DOI: [10.21702/rpj.2016.2.12](https://doi.org/10.21702/rpj.2016.2.12)
19. Молчанов А. Ю., Бабилов А. Ю. Общая теория полиграфных проверок. М., 2012. 232 с.
20. Аверьянова Т. В., Майлис Н. П., Холодный Ю. И. О межведомственной методики производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа // *Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: Материалы VII Международной научно-практической конференции*. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 31–37.

REFERENCES

1. Arakelov G. G. The use of polygraph in personnel selection. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya – Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology*, 2003, no. 3, pp. 33–44 (in Russian).
2. Isaichev S. A., Isaichev E. S., Chernorizov A. M. A system approach to the analysis of human behavior in the process of deliberate concealment of information. In: A. K. Krylov, V. D. Solov'ev (Eds.). *Vos'maya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke* [International theoretical conference on cognitive science]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2018, pp. 443–445.
3. Isaichev E. S., Isaichev S. A. Methodological aspects of instrumental lie detection. *Mir psikhologii – World of Psychology*, 2016, no. 4 (88), pp. 202–214 (in Russian).
4. Ekman P. *Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage* (Russ. ed.: Ekman P. *Psikhologiya lzhi*. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 270 p.).
5. Varlamov V. A., Varlamov G. V. *Psikhofiziologiya poligrafnykh proverok* [Psychophysiology of polygraph testing]. Krasnodar, 2000. 240 p.
6. Isaichev E. S., Isaichev S. A., Nasonov A. V., Chernorizov A. M. Diagnostics of con-

- cealed information on the basis of cognitive evoked potentials of the human brain. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal – National Psychological Journal*, 2011, V. 1, no. 5, pp. 70–77 (in Russian).
7. Dikii I. S. Dynamics of the spatio-temporal distribution of components of event-related potentials in brain cortex during false answers. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2011, no. 9/1, pp. 9–13 (in Russian).
 8. Kuznetsov D. A., Vorobyeva E. V. K voprosu ob ispol'zovanii metoda analiza elektricheskoi aktivnosti mozga v sfere detektsii lzhi [On the use of the method of analysis of the electrical activity of the brain for lie detection]. *Lichnost' v sovremennom obshchestve: sotsializatsiya, povedenie, obshchenie: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Proc. the All-Russian theoretical conference: Socialization, behavior, and community]. Chita, ZabSHPU Publ., 2007, pp. 155–158.
 9. Yatsyk G. G. Studying human oculomotor behavior in concealing meaningful information. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2016, no. 14/1, pp. 43–47 (in Russian).
 10. Varlamov V. A., Varlamov G. V. *Protivodeistvie poligrafu i puti ikh neutralizatsii* [Counteraction to the polygraph and ways to neutralize them]. Moscow, Saratov, PER SE, Ai Pi Er Media Publ., 2019. 192 p.
 11. Ogloblin S. I., Molchanov A. Yu. *Instrumental'naya «detektsiya lzhi»* [Instrumental lie detection]. Yaroslavl, Nyuans Publ., 2004. 264 p.
 12. Kholodnyi Yu. I. O neobkhodimosti fundamental'nykh issledovaniy v sfere sudebnoi psikhofiziologicheskoi ekspertizy s primeneniem poligrafa [On the need for fundamental research in the field of forensic psychophysiological examination using a polygraph]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v sfere sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti i DNK-registratsii naseleniya Rossiiskoi Federatsii: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezh-dunarodnym uchastiem* [Proc. the All-Russian theoretical and practical conference with international participation: Fundamental and applied research in the field of forensic activity and DNA registration of the population of the Russian Federation]. Ufa, BSU Publ., 2019, pp. 275–281.
 13. Dikii I. S. *Sovremennye psikhofiziologicheskie metody vyyavleniya skryvaemoi informatsii* [Modern psychophysiological methods for detection of concealed information]. Rostov-on-Don, SFU Publ., 2016. 124 p.
 14. Krapokhl D. J., Show P. K. *Fundamentals of polygraph practice*. San Diego, Academy Press, 2015.
 15. Yatsyk G. G., Vorobeve E. V. Modern psychophysiological studies of solving cognitive problems under stress. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2017, no. 15/2, pp. 39–49 (in Russian).
 16. Dikii I. S., Dikaya L. A. *Detektsiya skryvaemoi informatsii: psikhofiziologicheskii podkhod* [Detection of concealed information: A psychophysiological approach]. Rostov-on-Don-Taganrog, SFedU Publ., 2018. 142 p.
 17. Arutyunyan V. E. *Vzaimosvyaz' psikhologicheskikh osobennostei podekspertnogo i osobennostei psikhofiziologicheskogo reagirovaniya v khode issledovaniy s primeneniem poligrafa (na primere voennosluzhashchikh Yuzhnogo voennogo okruga)* [Associations between examinees' psychological characteristics and their psychophysiological responses during a polygraph examination: A case of servicemen of the Southern District]. *Aktual'nye problemy nauki i tekhniki: Materialy natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Proc. of the national theoretic and practical conference: Actual problems of science and technology]. Rostov-on-Don, DSTU Publ., 2019, pp. 589–590.
 18. Ermakov P. N., Vorobyeva E. V., Yatsyk G. G. Individual characteristics of stress response during a polygraph psychophysiological examination. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2016, V. 13, no. 2, pp. 156–168. DOI: [10.21702/rpj.2016.2.12](https://doi.org/10.21702/rpj.2016.2.12) (in Russian).
 19. Molchanov A. Yu., Babikov A. Yu. *Obshchaya teoriya poligrafnykh proverok* [General theory of polygraph examinations]. Moscow, 2012. 232 p.
 20. Aver'yanova T. V., Mailis N. P., Kholodnyi Yu. I. O mezhvedomstvennoi metodiki proizvodstva sudebnykh psikhofiziologicheskikh ekspertiz

s primeneniem poligrafa [On the interagency methodology for forensic psychophysiological polygraph examinations]. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy v sovremennykh usloviyakh: Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-*

prakticheskoi konferentsii [Proc. the 7th modern theoretical and practical conference: Theory and practice of forensic examinations under modern conditions]. Moscow, RG-Press Publ., 2019, pp. 31–37.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДИСМОРФОФОБИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА С ДРУГИМИ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

Елена Б. Сетянова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: elena.setyanova@yandex.ru

Данная статья посвящена вопросам взаимосвязи дисморфофобии с другими психическими расстройствами. Обозначена актуальность данной проблематики. Рассмотрены различные точки зрения, относящиеся к данной теме. Приведены новейшие данные и исследования, обоснована связь дисморфофобии с обсессивно-компульсивным расстройством, депрессией, расстройством гендерной идентичности и специфическими актами самоповреждения. Предлагаются меры для решения данной проблемы.

Ключевые слова

дисморфофобия, обсессивно-компульсивное расстройство, образ тела, депрессия, расстройство, внешность, восприятие

Для цитирования: Сетянова Е. Б. Взаимосвязь дисморфофобического расстройства с другими психическими расстройствами // Северо-Кавказский психологический вестник. 2019. № 17/2. С. 13–19.

COMORBIDITY OF BODY DYSMORPHIC DISORDER

Elena B. Setyanova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: elena.setyanova@yandex.ru

This article is devoted to the relationship of dysmorphophobia with other mental disorders. The urgency of this problem is indicated. Various points of view related to this topic are considered.

The latest data and research are presented; the connection of dysmorphophobia with obsessive-compulsive disorder, depression, gender identity disorder and specific acts of self-harm is substantiated.

Measures are proposed to address this problem.

Keywords

body dysmorphic disorder, obsessive-compulsive disorder, body image, depression, disorder, appearance, perception

For citation: Setyanova E. B. Comorbidity of body dysmorphic disorder. Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin, 2019, no. 17/2, pp. 13–19 (in Russian).

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день проблема дисморфофобии стоит как никогда остро. В постоянно динамично меняющемся мире также стремительно меняются и эталоны красоты, тем самым внушая нам, как необходимо выглядеть сегодня. Не на каждого человека индустрия красоты и средства массовой информации могут оказать влияние, но под большим воздействием оказываются определенные группы лиц. В большинстве своем это дети, подростки, люди с отсутствием критического мышления, либо имеющие психические или психологические проблемы. Культура массового потребления диктует определенные тенденции, вследствие которых эталоны красоты и привлекательности меняются слишком часто и даже слишком кардинально. То, как выглядел эталон красивого человека еще 10 лет назад, совершенно не сходится с эталонами привлекательности сегодня.

В этих условиях многие молодые люди задумываются об идеальности собственного тела. Сопоставляя его с картинками из гляцевых журналов либо внешним обликом знаменитого человека, у них зачастую возникает мысль о несовершенности собственного тела [1].

Не каждый человек осознает временность определенных течений и тенденций в моде и делает выводы не в собственную пользу. Бесконечные рекламы клиник пластической хирургии, косметологических кабинетов и имиджевых центров, которые говорят о быстром результате, отсутствии последствий и относительно небольшой стоимости услуг, заставляют размышлять над тем, как просто получить новое модное тело [2].

Наиболее этому подвержены девушки и женщины, которые в погоне за идеальной внешностью готовы заплатить любые деньги. При этом в зарубежной психологической литературе отмечается, что мужчины и женщины в равной степени подвержены дисморфофобии, в отечественной же утверждается, что женщины больше подвержены, чем мужчины. Но авторы единодушны в одном: в подростковом возрасте это проявляется наиболее ярко, в связи с видоизменением собственного тела, и далее в норме должно сойти на нет [3].

По триаде М. В. Коркиной, дисморфофобия включает в себя: идею физического недостат-

ка, объективно отсутствующего или слишком преувеличенного, идею отношений и общий депрессивный фон настроения. По данным американских исследователей, более 2,5 % жителей Земли имеют дисморфофобическое расстройство. Несмотря на то, что выявить данное заболевание крайне трудно вследствие ряда причин, исследователи сходятся во мнении, что истинной дисморфофобией страдает не более 5 % населения [4].

Признаки и симптомы расстройства широко варьируются от человека к человеку. Акцент обычно делается на одной конкретной части тела или воспринимаемом дефекте, таком как родинки или веснушки, воспринимаемые как слишком большие или слишком заметные. Другие области могут включать незначительные шрамы, акне, стрии, волосы на лице и теле, размер и форму груди, гениталий, асимметрию лица или тела [5].

У мужчин дисморфофобия заключается скорее в строении тела и развитости мускулатуры. Так, форму мышечной дисморфофобии называют «бигорексией», или комплексом Адониса. Общие признаки выходят за рамки обычных усилий по наращиванию мышечной массы и включают озабоченность ростом мышц, перенапряжение в тренажерном зале, чрезмерное употребление специального спортивного питания и биологически активных добавок; в крайних случаях даже прибегают к инъекциям стероидов [6].

Из-за своего сходства дисморфофобию часто рассматривают как обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР). При обсессивно-компульсивном расстройстве человек страдает от повторяющихся мыслей, страхов и образов, которые не может контролировать. Любая тревога, которая чувствуется, приводит к выполнению ритуалов или специальных действий (известных как компульсии), которые помогают нивелировать тревогу. При дисморфофобии с человеком происходят похожие процессы. Для того чтобы убрать страхи и тревогу, выполняются определенные действия, которые помогают снять это напряжение на какой-то небольшой промежуток времени. Подобная одержимость своим внешним видом может негативно влиять на социальные, профессиональные или семейные отношения. Как и в случае с ОКР, дис-

морфофобическое расстройство тела часто включает в себя озабоченность симметрией и совершенством [7].

Как обсессивно-компульсивное расстройство, так и дисморфофобия обычно начинаются в подростковом возрасте, могут вызвать значительную инвалидизацию и реагировать на лечение антидепрессантами, включая селективные ингибиторы обратного захвата серотонина (СИОЗС), а также когнитивно-поведенческие методы [8].

В то время как фокус навязчивых идей и компульсий при обсессивно-компульсивном расстройстве может сильно варьироваться (например, загрязнение, смерть любимого человека, симметрия, вина, насилие, секс), симптомы дисморфофобического расстройства тела сосредоточены исключительно на внешности или теле. Люди с дисморфофобическим расстройством тела часто имеют более слабое понимание природы и иррациональности своих симптомов по сравнению с людьми с обсессивно-компульсивным расстройством [9].

Хотя люди с данными типами расстройств имеют неточные или иррациональные убеждения, эти убеждения различаются в том, признается ли факт их наличия. Например, некоторые люди с дисморфофобией с готовностью признают свою озабоченность внешним видом чрезмерной и нереалистичной. Тем не менее, это понимание не уменьшает их озабоченности и результирующего поведения. Другим людям не хватает этого понимания, они крепко держатся за свои искаженные убеждения, несмотря на доказательства, опровергающие обоснованность таких убеждений [10].

Обсессивно-компульсивное расстройство и дисморфофобия часто выступают вместе в симбиотической связи. Недавно американские клинические психологи опубликовали новые данные, которые включали 53 последних исследования о взаимосвязи между обсессивно-компульсивным расстройством и дисморфофобией. Исследование показало, что частота встречаемости обсессивно-компульсивного расстройства и дисморфофобии вместе (сопутствующая патология) составляет от 3 % до 43 % [11].

Согласно Американской ассоциации тревоги и депрессии (Anxiety and Depression Association of America), если пациент страдает от дисмор-

фофобии, он также может страдать от социального тревожного расстройства, депрессии или расстройства пищевого поведения. Поскольку многие симптомы перекликаются и перекрываются друг другом, расстройство может быть неверно диагностировано [12].

Дисморфофобия не выделяется как отдельный диагноз в Международной классификации болезней десятого пересмотра (МКБ-10), а значится как разновидность ипохондрического расстройства. В DSM-5 дисморфофобия определена как отдельное психическое расстройство в категории «обсессивно-компульсивные и связанные с ними расстройства». Сверхценные или бредовые идеи о телесном недостатке называют «дисморфоманией» [13].

Американские ученые К. А. Phillips & W. Menard в 2006 г. провели исследование, в ходе которого пришли к выводу, что люди, страдающие дисморфофобией, совершают суицид в 45 раз чаще, чем при любых других психических расстройствах. Также они выяснили, что люди, прибегшие к услугам пластических хирургов, имеют более высокий риск совершения самоубийства, в сравнении с общей популяцией [14].

При расстройстве гендерной идентификации дисморфофобия более ярко выражена и связана не только с недовольством во внешнем облике. Биологический пол вступает в конфликт с полом, с которым себя идентифицирует сам пациент, что приводит к различным психологическим проблемам. Такие люди чаще других прибегают к косметологическим операциям, при этом после хирургической операции по смене пола риск суицида снижается на 20 % [15].

Дисморфофобия нередко связана с такими специфическими актами, как трихотилломания и невротическая экскорiation. Невротическая экскорiation, или дерматилломания – это компульсивные действия, которые направлены на повреждение кожных покровов с дальнейшим рубцеванием. Повреждения могут быть как легкими (расчесывания), так и крайне тяжелыми (отрезание целых пластов кожи). После подобного акта наступает облегчение и чувство удовлетворения. Вследствие этого может наступить инфицирование и загноение [16].

Трихотилломания – вырывание волосающего покрова на поверхности головы или тела, кото-

рое может выступать специфической реакцией на стресс. Чаще встречается у женщин и может сочетаться с трихофагией (навязчивым поеданием волос). В 2016 г. было обнаружено, что некоторые люди, страдающие трихотилломанией, имеют поврежденный ген, называемый SLITKR1 [17].

Также установлена связь между дисморфобией и депрессией, а также дисморфобией и расстройствами пищевого поведения. При дисморфобии человек может прибывать в длительной, затяжной, глубокой депрессии и проходить курс лечения, направленный лишь на устранение симптомов, но не основной причины. При данном расстройстве наблюдается клиническая депрессия в 73 % случаев. У более половины пациентов с расстройствами пищевого поведения диагностируется еще и дисморфобия [18].

Известно, что дисморфобическое расстройство может манифестировать в рамках шизофрении, бредовых, аффективных, личностных расстройств, а также при органических поражениях мозга [19].

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

В отечественной и зарубежной современной психологии дисморфобию связывают с искаженным восприятием и нарушениями в формировании Я-концепции. Также восприятие собственной внешности связывают с такими понятиями, как «самоотношение», «самовосприятие», «самосознание», «самооценка» и «самопринятие». В отечественной психологии самыми яркими представителями, исследовавшими данную проблематику, являются А. Ш. Тхостов, В. В. Столин, И. С. Кон, И. И. Чеснокова, А. В. Сухарев, В. А. Лабунская и мн. др. Необходимо выделить работы Е. В. Орестовой, а также Л. И. Мостовой, которые непосредственно посвящены восприятию собственной внешности женщин в зависимости от их возраста.

Среди зарубежных психологов, работавших в области изучения причин дисморфобии и ее связи с другими расстройствами, наиболее выделяются Р. Борнштейн, С. Хамман, К. Роббинсон, М. Циммерман, С. А. Хусеини, А. Т. Ханн, Г. Кребс, Д. Л. Гринберг и, конечно же, К. А. Филлипс.

Существует множество методик, используемых для диагностики как самого дисморфобического расстройства, так и причин, которые с этим связаны. Перечислим некоторые из них: тест определения самооценки С. А. Будасси, опросник исследования тревожности Ч. Д. Спилбергера, методика исследования самоотношения С. Р. Пантिलеева, тест на дисморфобию от ОКР центра Лос-Анжелеса от Т. Фосса и Д. Далтон. Отдельно стоит обратить внимание на авторские методики, разработанные Т. Ф. Кэшем. К ним относятся: мультимодальный опросник отношения к собственному телу MBSRQ, шкала состояний образа тела BISS, опросник представлений о внешности ASI, влияние образа тела на качество жизни BIQLI, ситуативная неудовлетворенность образом тела SIBID.

Эти методики помогают приблизиться к пониманию причин возникновения дисморфобии, а также дифференцировать саму дисморфобию от других психических расстройств, выявить уровень тревожности и самооценки, выявить отношение к своему телу, определить качество жизни, исходя из восприятия своей внешности, определить самоотношение не только к внешности, но и к собственной личности в целом.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Таким образом, проведенный анализ научной литературы позволил приблизиться к пониманию дисморфобического расстройства, а благодаря выделенным методикам мы сможем определить наличие дисморфобии, ее причины, уровень глубины и влияние расстройства на качество жизни человека, что позволит нам разобраться с тем, как далее будет проходить наша работа с клиентом, позволит нам максимально эффективно осуществить оптимальную диагностику, подобрать подход и скорректировать психотерапию в целом. Правильный выбор терапевтической и коррекционной тактики в дальнейшем будет способствовать успешному устранению симптомов дисморфобии, корректной адаптации, социализации и, в конечном счете, полному выздоровлению.

Наиболее распространенным планом лечения является сочетание психотерапии и медикаментозного лечения. Когнитивно-поведенческая

терапия была признана наиболее эффективной, а также было показано, что антидепрессанты действительно помогают быстрее преодолеть данное расстройство [20].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В современном мире то, как ты выглядишь по мнению многих людей, имеет огромное значение. В ложных представлениях внешность имеет слишком большой вес. В обществе считается, что привлекательные люди более успешны, удачливы, счастливы, привилегированы. С «правильной» внешностью можно добиться большего, быстро взлететь по карьерной лестнице, найти любовь, обладать большей популярностью. Действительно, результаты исследований Е. А. Варлашкина показали, что образ привлекательной женщины в восприятии как мужчин, так и женщин, представлен большим количеством именно положительных описательных характеристик. Привлекательная женщина казалась более компетентной, уверенной, располагающей к себе, коммуникабельной, отзывчивой, благополучной.

Говоря о проблеме дисморфофобии в современном обществе, невозможно не обратить внимание на чрезвычайно высокий риск суицидов. Именно вследствие того, что дисморфофобия трудно диагностируема, ее путают с другими расстройствами, из-за чего выбирается неверная тактика лечения данного заболевания. Люди, страдающие дисморфофобией, могут вести отшельнический образ жизни и страдать социофобией. Именно вследствие недостаточности социального контактирования люди с данным расстройством не могут получить профессиональную помощь.

Часто пациенты с истинной дисморфофобией сохраняют навязчивые идеи и мысли в секрете из-за страха высмеивания и обесценивания их переживаний, вследствие боязни социальной стигмы. Подобные страдания приводят к усугублению ситуации, подключая дополнительно депрессивные состояния, низкую самооценку и чувство тревоги [21].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Albertini R. S., Phillips K. A.* Thirty-three cases of body dysmorphic disorder in children and adolescents // *Child & Adolescent Psychiatry*. 2019. Vol. 38, Issue 4. P. 453–459. DOI: [10.1097/00004583-199904000-00019](https://doi.org/10.1097/00004583-199904000-00019)
2. *Андрющенко А. В.* Распространенность и структура психических расстройств в общей медицине // *Психические расстройства в общей медицине*. 2011. № 1. С. 14–27.
3. *Anson M., Veale D., de Silva P.* Social-evaluative versus self-evaluative appearance concerns in Body Dysmorphic Disorder // *Behaviour research and therapy*. 2012. Vol. 50, Issue 12. P. 753–760. DOI: [10.1016/j.brat.2012.09.003](https://doi.org/10.1016/j.brat.2012.09.003)
4. *Burke J. F.* Observation on the development of an artificial skin: Presidential address, 1982 American Burn Association Meeting // *The Journal of Trauma*. 1983. Vol. 23, Issue 7. P. 543–551.
5. *Beauty and body dysmorphic disorder / N. A. Vashi (Ed.).* Springer, Cham, 2015. DOI: [10.1007/978-3-319-17867-7](https://doi.org/10.1007/978-3-319-17867-7)
6. *Gunderson J. G., Triebwasser J., Phillips K. A., Sullivan C. N.* Personality and vulnerability to affective disorders // *Personality and Psychopathology / C. R. Cloninger (Ed.).* American Psychiatric Association, 1999. P. 3–32.
7. *Keller K. E.* Dysfunctional attitudes and the cognitive therapy for depression // *Cognitive Therapy and Research*. 1983. Vol. 7. P. 437–444.
8. *Коркина М. В.* Дисморфомания в подростковом и юношеском возрасте. М.: Медицина, 1984. 224 с.
9. *Kendler K. S., Heath A. C., Martin N. G., Eaves L. J.* Symptoms of anxiety and symptoms of depression: Same genes, different environments? // *Archives of General Psychiatry*. 1987. Vol. 44, Issue 5. P. 451–457. DOI: [10.1001/archpsyc.1987.01800170073010](https://doi.org/10.1001/archpsyc.1987.01800170073010)
10. *Morrison N.* Group cognitive therapy: treatment of choice or sub-optimal option? // *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*. 2001. Issue 3. P. 311–332. DOI: [10.1017/S1352465801003058](https://doi.org/10.1017/S1352465801003058)
11. *Перова Н. В., Метельская В. А., Мамедов М. Н., Оганов Р. Г.* Методы раннего выявления и коррекции метаболического синдрома // *Профилактика заболеваний и укрепления здоровья*. 2001. Т. 4, № 1. С. 18–31.
12. *Петрова Н. Н., Грибова О. М.* Дисморфофобия в клинике эстетической хирургии // *Психические расстройства в общей медицине*. 2014. № 1. С. 26–30.

13. Sarwer D. B., Wadden T. A., Pertschuk M. J., Whitaker L. A. Body image dissatisfaction and body dysmorphic disorder in 100 cosmetic surgery patients // *Plastic and Reconstructive Surgery*. 1998. Vol. 101, Issue 6. P. 1644–1649. DOI: [10.1097/00006534-199805000-00035](https://doi.org/10.1097/00006534-199805000-00035)
14. Simmons R. G., Rosenberg F., Rosenberg M. Disturbance in the self-image at adolescence // *American Sociological Review*. 1973. Vol. 38, Issue 5. P. 553–568.
15. Соколова Е. Т. Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // *Вопросы психологии*. 2009. № 1. С. 67–80.
16. Phillips K. A., Menard W., Fay C., Pagano M. E. Psychosocial functioning and quality of life in body dysmorphic disorder // *Comprehensive Psychiatry*. 2005. Vol. 46, Issue 4. P. 254–260. DOI: [10.1016/j.comppsy.2004.10.004](https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2004.10.004)
17. Phillips K. A., Menard W. Suicidality in body dysmorphic disorder: A prospective study // *American Journal of Psychiatry*. Vol. 163, Issue 7. P. 1280–1282. DOI: [10.1176/appi.ajp.163.7.1280](https://doi.org/10.1176/appi.ajp.163.7.1280)
18. Hollander E., Cohen L. J., Simeon D. Body dysmorphic disorder // *Psychiatric Annals*. 1993. Vol. 23, Issue 7. P. 359–364. DOI: [10.3928/0048-5713-19930701-06](https://doi.org/10.3928/0048-5713-19930701-06)
19. Hartmann H., Rapaport D. Ego psychology and the problem of adaptation. New York, 1958. 140 p.
20. Zimmerman M., Mattia J. I. Body dysmorphic disorder in psychiatry outpatients: recognition, prevalence, comorbidity, demographic, and clinical correlates // *Comprehensive Psychiatry*. 1998. Vol. 39, Issue 5. P. 265–270. DOI: [10.1016/S0010-440X\(98\)90034-7](https://doi.org/10.1016/S0010-440X(98)90034-7)
21. Hackmann A. Working with images in clinical psychology // *Comprehensive clinical psychology*. Vol. 6 / A. S. Bellack & M. Hersen (Eds.). New York: Elsevier, 1998. P. 301–318.
2. Anson M., Veale D., de Silva P. Social-evaluative versus self-evaluative appearance concerns in Body Dysmorphic Disorder. *Behaviour research and therapy*, 2012, V. 50, Issue 12, pp. 753–760. DOI: [10.1016/j.brat.2012.09.003](https://doi.org/10.1016/j.brat.2012.09.003)
4. Burke J. F. Observation on the development of an artificial skin: Presidential address, 1982 American Burn Association Meeting. *The Journal of Trauma*, 1983, V. 23, Issue 7, pp. 543–551.
5. Vashi N. A. (Ed.). *Beauty and body dysmorphic disorder*. Springer, Cham, 2015. DOI: [10.1007/978-3-319-17867-7](https://doi.org/10.1007/978-3-319-17867-7)
6. Gunderson J. G., Triebwasser J., Phillips K. A., Sullivan C. N. Personality and vulnerability to affective disorders. In: C. R. Cloninger (Ed.) *Personality and Psychopathology*. American Psychiatric Association, 1999, pp. 3–32.
7. Keller K. E. Dysfunctional attitudes and the cognitive therapy for depression. *Cognitive Therapy and Research*, 1983, V. 7, pp. 437–444.
8. Korkina M. V. *Dysmorphomania in Adolescence and Youth*. Moscow, Meditsina, 1984. 224 p. (in Russian).
9. Kendler K. S., Heath A. C., Martin N. G., Eaves L. J. Symptoms of anxiety and symptoms of depression: Same genes, different environments? *Archives of General Psychiatry*, 1987, V. 44, Issue 5, pp. 451–457. DOI: [10.1001/archpsyc.1987.01800170073010](https://doi.org/10.1001/archpsyc.1987.01800170073010)
10. Morrison N. Group cognitive therapy: treatment of choice or sub-optimal option? *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*, 2001, Issue 3, pp. 311–332. DOI: [10.1017/S1352465801003058](https://doi.org/10.1017/S1352465801003058)
11. Perova N. V., Metel'skaya V. A., Mamedov M. N., Ogapov R. G. Methods for the early detection and correction of metabolic syndrome. *Profilaktika zabolevanii i ukrepleniya zdorov'ya – Disease Prevention and Health Promotion*, 2001, V. 4, no. 1, pp. 18–31. (in Russian).
12. Petrova N. N., Gribova O. M. Dysmorphophobia in the clinic of aesthetic surgery. *Psikhicheskie rasstroistva v obshchei meditsine – Mental Disorders in General Medicine*, 2014, no. 1, pp. 26–30 (in Russian).
13. Sarwer D. B., Wadden T. A., Pertschuk M. J., Whitaker L. A. Body image dissatisfaction and

REFERENCES

1. Albertini R. S., Phillips K. A. Thirty-three cases of body dysmorphic disorder in children and adolescents. *Child & Adolescent Psychiatry*, 2019, V. 38, Issue 4, pp. 453–459. DOI: [10.1097/00004583-199904000-00019](https://doi.org/10.1097/00004583-199904000-00019)
2. Andryushchenko A. V. Prevalence and structure of mental disorders in general medicine. *Psikhicheskie rasstroistva v obshchei meditsine –*

- body dysmorphic disorder in 100 cosmetic surgery patients. *Plastic and Reconstructive Surgery*, 1998, V. 101, Issue 6, pp. 1644–1649. DOI: [10.1097/00006534-199805000-00035](https://doi.org/10.1097/00006534-199805000-00035)
14. Simmons R. G., Rosenberg F., Rosenberg M. Disturbance in the self-image at adolescence. *American Sociological Review*, 1973, V. 38, Issue 5, pp. 553–568.
15. Sokolova E. T. Narcissism as a clinical and sociocultural phenomenon. *Voprosy psikhologii*, 2009, no. 1, pp. 67–80. (in Russian).
16. Phillips K. A., Menard W., Fay C., Pagano M. E. Psychosocial functioning and quality of life in body dysmorphic disorder. *Comprehensive Psychiatry*, 2005, V. 46, Issue 4, pp. 254–260. DOI: [10.1016/j.comppsy.2004.10.004](https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2004.10.004)
17. Phillips K. A., Menard W. Suicidality in body dysmorphic disorder: A prospective study. *American Journal of Psychiatry*, V. 163, Issue 7, pp. 1280–1282. DOI: [10.1176/appi.ajp.163.7.1280](https://doi.org/10.1176/appi.ajp.163.7.1280)
18. Hollander E., Cohen L. J., Simeon D. Body dysmorphic disorder. *Psychiatric Annals*, 1993, V. 23, Issue 7, pp. 359–364. DOI: [10.3928/0048-5713-19930701-06](https://doi.org/10.3928/0048-5713-19930701-06)
19. Hartmann H., Rapaport D. *Ego psychology and the problem of adaptation*. New York, 1958. 140 p.
20. Zimmerman M., Mattia J. I. Body dysmorphic disorder in psychiatry outpatients: recognition, prevalence, comorbidity, demographic, and clinical correlates. *Comprehensive Psychiatry*, 1998, V. 39, Issue 5, pp. 265–270. DOI: [10.1016/S0010-440X\(98\)90034-7](https://doi.org/10.1016/S0010-440X(98)90034-7)
21. Hackmann A. Working with images in clinical psychology. In: A. S. Bellack & M. Hersen (Eds.) *Comprehensive Clinical Psychology*. New York, Elsevier, 1998, V. 6, pp. 301–318.

БАРЬЕРЫ ПРОЯВЛЕНИЯ КРЕАТИВНОСТИ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Дмитрий С. Олейников*, Валерий П. Рыбчинский

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

* E-mail: doleynikov@sfedu.ru

Актуальность проблемы развития креативности у учащихся образовательных учреждений обусловлена не только требованием времени, но и потребностями в творческой молодежи многих отраслей экономики, медицины, военно-промышленного комплекса и др. В статье изложены материалы изучения особенностей проявления креативности учащихся старших классов общеобразовательной школы. В данном исследовании для тестирования учащихся были, в основном, использованы методики по выявлению уровня развития познавательных психических процессов. Приведены результаты экспериментального исследования барьеров, которые являются препятствием к развитию креативности у учащихся.

На основании результатов экспериментального исследования можно сделать вывод о том, что недостаточный или низкий уровень развития психических познавательных процессов (особенности мышления, концентрация и устойчивость внимания, оперативная память) является барьером развития креативности старшеклассников.

В заключение даются рекомендации о необходимости осуществления ряда мероприятий, направленных на преодоление барьеров развития креативности у учащихся.

Ключевые слова

барьеры креативности, познавательные психические процессы, особенности мышления, концентрация внимания, устойчивость внимания, оперативная память, стереотипы, установки, самооценка, нестандартное мышление

Для цитирования: Олейников Д. С., Рыбчинский В. П. Барьеры проявления креативности у старшеклассников // Северо-Кавказский психологический вестник. 2019. № 17/2. С. 20–25.

BARRIERS OF CREATIVITY IN HIGH SCHOOL STUDENTS

Dmitry S. Oleynikov*, Valeriy P. Rybchinskiy

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author. E-mail: doleynikov@sfedu.ru

The urgency of the problem of the creativity development in students of educational institutions is determined not only by the demand of time, but also due to the needs of creative youth in many sectors of the economy, medicine, military-industrial complex, etc. The article outlines the materials of the study of the peculiarities of the high school students' creativity manifestation. In this study we mainly used tests, techniques with the aim to identify the level of cognitive mental processes development in students. The results of our pilot study of barriers that are obstacles to the development of creativity in students are presented.

Based on the results of the experimental study, we can conclude that insufficient or low level of the development of mental cognitive processes (features of thinking, concentration and stability of attention, operational memory) is a barrier to the development of creativity in high school students.

The conclusion recommends are given as to the need for a number of measures aimed at overcoming barriers of creativity in students.

Keywords

barriers of creativity, cognitive mental processes, features of thinking, concentration, attention stability, operational memory, stereotypes, attitudes, self-esteem, non-standard thinking

For citation: Oleynikov D. S., Rybchinskiy V. P. Barriers of creativity in high school students. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2019, no. 17/2, pp. 20–25 (in Russian).

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время образование все больше идет по направлению развития творческой личности человека. Развитие креативности юношей 15–17 лет сопровождается развитием других важных качеств человека, так необходимых в современном обществе. К таким качествам относятся, например, терпимость к чужому мнению, принятие ответственности за свою деятельность и другие качества, характеризующие личность [1, 2, 3, 4].

Креативность становится все более важной в жизни молодых людей, потому что само существование усложняется, организации и будущие работодатели требуют новых решений, изменений, а креативность – это мощный ресурс, благодаря которому общество развивается и обновляется. То есть, существует потребность в такой подготовке старшеклассников, чтобы они могли выражать себя и свои мысли, не боясь негативного отношения со стороны коллег или не копируя существующее [5, 6, 7, 8, 9].

МЕТОДЫ

Объектом нашего исследования представлены учащиеся старших классов (10–11 классы) гимназии Октябрьского района № 34. Всего приняли участие 54 учащихся.

Цель нашего исследования: изучить барьеры, препятствующие развитию креативности у старшеклассников.

Предмет исследования: креативность, барьеры, препятствующие развитию креативности.

Гипотезы исследования:

- мы предполагаем, что взаимосвязь барьеров проявления креативности с уровнем развития психических познавательных про-

цессов у старшеклассников может носить как прямой, так и опосредованный характер; – возможно, по нашему мнению, что барьеры креативности проявляются у всех старшеклассников, но в разной степени, и зависят от условий обучения и воспитания человека.

Методики исследования:

1. Анкета, направленная на выявление барьеров проявления креативности. Опросник составлен с учетом того, какие барьеры в большей степени проявляются у данной группы участников исследования.

2. Тест креативности Торренса [10]. Диагностика творческого мышления, оценка пяти показателей невербальной креативности: «беглость», «оригинальность», «разработанность», «сопротивление замыканию (гибкость)» и «абстрактность названий». Тестирование по трем фигурным субтестам («Нарисуйте картинку», «Завершение фигуры», «Повторяющиеся линии»).

3. Методика «Анализ отношений понятий» (или «Простые аналогии»). Анализируется характер установленных связей между понятиями – конкретные, логические, категориальные связи.

4. Методика «Изучение быстроты мышления». Методика позволяет определить темп выполнения ориентировочных и операциональных компонентов мышления.

5. Методика «Изучение гибкости мышления». Методика позволяет определить вариативность подходов, гипотез, исходных данных, точек зрения, операций, вовлекаемых в процесс мыслительной деятельности.

6. Методика «Оперативная память». Методика применяется для диагностики оперативной слуховой памяти испытуемых.

7. Тест Бурдона (корректирующая проба). Корректирующая проба очень удобна для тестирования школьников, т. к. позволяет проводить диагностику внимания одновременно нескольких учащихся.

Мы также провели статистическую обработку эмпирических данных с вычислением t-критерия Стьюдента (определение статистической значимости различий средних величин показателей уровня развития креативности) и вычислением коэффициента Пирсона для оценки корреляционной связи между двумя независимыми выборками (уровень развития креативности и уровень развития психических познавательных процессов – мышления, памяти, внимания – у обучающихся).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате анализа данных опроса нам удалось выяснить следующие барьеры, которые препятствуют креативному способу мышления старшеклассников:

1. Неинтересно на уроке, отсутствие мотивации.
2. Низкая самооценка и наличие собственных страхов (боязнь ошибки, страх быть осмеянным, сделать что-то нестандартно, получить неодобрение со стороны окружающих).
3. Много учеников в классе, не всегда есть возможность высказать собственное мнение.
4. Отсутствие мотивации для высказывания оригинальных идей.
5. Отсутствие благоприятной атмосферы. Нет доброжелательности со стороны учителя, критика в адрес ученика со стороны учителя.
6. Недостаточно возможностей для упражнения и практики в развитии креативности.
7. Чрезмерная самоуверенность, не берутся во внимание мнения других учащихся.
8. Сложившиеся стереотипы, установки. Ограничение выбора решений («так надо», «это нельзя», «за это ты будешь наказан», «делай, как все»).
9. «Страх перед аудиторией» – практически все люди боятся работать на аудитории, боятся показаться нелепыми, неинтересными, глупыми.
10. Низкий уровень развития познавательных психических процессов (памяти, внимания,

мышления, воображения).

Анализ результатов тестирования по методике «Тест креативности Торренса» позволил выделить три группы учащихся:

- 1) учащиеся с показателем креативности ниже возрастной нормы ($n = 14$);
- 2) учащиеся с показателем креативности, соответствующим возрастной норме ($n = 24$);
- 3) учащиеся с показателем креативности выше возрастной нормы ($n = 16$).

Статистическая обработка эмпирических данных с вычислением t-критерия Стьюдента (определение статистической значимости различий средних величин показателей уровня развития креативности) показала, что представители групп с креативностью ниже возрастной нормы и с креативностью, соответствующей возрастной норме, достоверно отличаются по всем показателям от представителей группы с креативностью выше возрастной нормы:

- беглости ($t = 2,44$; $p \leq 0,05$);
- гибкости ($t = 2,78$; $p \leq 0,05$);
- оригинальности ($t = 6,64$; $p \leq 0,05$);
- разработанности $t = 2,48$; $p \leq 0,05$);
- абстрактности ($t = 2,04$; $p \leq 0,05$).

Анализ результатов тестирования по методике «Анализ отношений понятий» (или «Простые аналогии») показал, что у испытуемых с креативностью выше возрастной нормы результативность выполнения методики находится на высоком уровне ($\bar{x} = 8,32$ балла); группа с креативностью, соответствующей возрастной норме, показала средний уровень выполнения методики ($\bar{x} = 7,16$ балла); и низкий уровень показали учащиеся из группы с креативностью ниже возрастной нормы ($\bar{x} = 6,84$ балла).

Анализ результатов тестирования по методике «Изучение быстроты мышления» показал, что у испытуемых с креативностью выше возрастной нормы уровень быстроты мышления и подвижности нервных процессов находится на высоком уровне ($\bar{x} = 28,4$ балла); группа с креативностью, соответствующей возрастной норме, показала средний уровень быстроты мышления и подвижности нервных процессов ($\bar{x} = 24,6$ балла); и низкий уровень быстроты мышления и подвижности нервных процессов показали учащиеся из группы с креативностью ниже возрастной нормы ($\bar{x} = 18,8$ балла).

Анализ результатов тестирования по методике «Изучение гибкости мышления» показал, что у испытуемых с креативностью выше возрастной нормы высокий показатель гибкости мышления ($\bar{X} = 27,8$ балла); у испытуемых с креативностью, соответствующей возрастной норме, средний показатель гибкости мышления ($\bar{X} = 19,6$ балла); и у испытуемых с креативностью ниже возрастной нормы низкий показатель гибкости мышления ($\bar{X} = 15,4$ балла).

Анализ результатов тестирования по методике «Оперативная память» выявил, что у испытуемых с креативностью выше возрастной нормы отмечался высокий уровень продуктивности оперативной памяти ($\bar{X} = 34,3$ балла); группа с креативностью, соответствующей возрастной норме, показала средний уровень продуктивности оперативной памяти ($\bar{X} = 29,7$ балла); и низкий уровень продуктивности оперативной памяти ($\bar{X} = 21,1$ балла) показали учащиеся из группы с креативностью ниже возрастной нормы.

Анализ результатов тестирования по методике «Тест Бурдона» показал, что у испытуемых с креативностью выше возрастной нормы отмечался высокий уровень концентрации и устойчивости внимания; группа с креативностью, соответствующей возрастной норме, показала средний уровень концентрации и устойчивости внимания; и низкий уровень концентрации и устойчивости внимания показали учащиеся из группы с креативностью ниже возрастной нормы.

На следующем этапе нашего исследования мы сопоставили средние показатели уровня проявления креативности и уровня развития психических познавательных процессов у учащихся старших классов.

Затем нами был проведен корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона) между следующими показателями:

- показатель креативности старшеклассников;
- показатели уровня развития познавательных психических процессов, выявленных у них.

Корреляционный анализ проводился отдельно для каждой из групп, выделенных по результатам тестирования по методике «Тест креативности Торренса»:

1) учащиеся с показателем креативности ниже возрастной нормы ($n = 14$);

2) учащиеся с показателем креативности, соответствующим возрастной норме ($n = 24$);

3) учащиеся с показателем креативности выше возрастной нормы ($n = 16$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты проведенного корреляционного анализа выявили, что существует *умеренная и сильная положительная корреляционная связь* между показателями невербальной креативности и показателями уровня развития психических познавательных процессов у испытуемых с уровнем развития креативности *выше возрастной нормы*.

Также было показано, что существует *слабая и умеренная положительная корреляционная связь* между показателями невербальной креативности и показателями уровня развития познавательных психических процессов у испытуемых с уровнем развития креативности, *соответствующей возрастной норме*.

Также было показано, что существует *слабая положительная корреляционная связь* между показателями невербальной креативности и показателями уровня развития психических познавательных процессов у испытуемых с уровнем развития креативности *ниже возрастной нормы*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, корреляционная связь между показателями невербальной креативности и показателями уровня развития психических познавательных процессов отмечается в каждой из трех выделенных нами групп. И на основании этих характеристик мы можем сделать вывод о том, что недостаточный или низкий уровень развития психических познавательных процессов (особенностей мышления, концентрации и устойчивости внимания, оперативной памяти) является барьером развития креативности старшеклассников, что подтверждает наши гипотезы.

На основании выводов нашего исследования мы считаем, что для преодоления барьеров развития креативности необходимо в школах проводить следующие мероприятия:

1. Приглашать в школу «интересных», креативных людей (у которых есть чему поучиться, т. е. набраться опыта).

2. Чаще привлекать учеников к публичным выступлениям (например, провести конкурс «Приветственное слово на торжественном мероприятии», «Поздравление одноклассника с днем рождения», принять участие в конференции, олимпиаде и пр.).
3. Добавить в школьную программу уроки по развитию творчества и креативности.
4. Уменьшить число учеников в классе (не более 10 человек).
5. Регулярно проводить беседы психолога с педагогическим составом школы.
6. Поощрять у учащихся нестандартные, оригинальные ответы и решения проблем, связанных с учебой в школе, с выбором будущей профессии и жизненными ситуациями.
7. Проводить тренинги с учащимися, испытывающими трудности в обучении, с целью повышения уровня развития познавательных психических процессов.
8. Интуиция ученика ни в коем случае не должна подавляться.
9. Формировать у учащегося уверенность в том, что он способен решить поставленную задачу.
10. В процессе обучения стоит опираться на положительные эмоции.
11. Необходима стимуляция стремления учащегося к самостоятельной работе.
12. Необходимо поощрять склонность учащегося к рискованному поведению, т. к. это является одной из фундаментальных черт творческой личности.
13. Исключить формирование конформного мышления.
14. Способствовать развитию воображения учащегося.
15. В обучении стараться чаще использовать задачи открытого типа.
16. Использовать проблемные методы обучения, которые развивают самостоятельность учащихся.
17. Практиковать совместную исследовательскую деятельность с преподавателем.
18. Поощрять стремления учащихся быть собой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дерманова И. Б., Крылова М. А. Креативность, личностные особенности и стратегии совладения старших школьников // Анянь-

евские чтения, 2004. Материалы научно-практической конференции. СПб., 2004. С. 384–386.

2. Рыбчинский В. П., Шенгелая С. А., Тимченко М. И. Характеристика видов воображения у спортсменов, занимающихся спортивной борьбой, в связи с их ценностными ориентациями и личностной тревожностью // Инновационные преобразования в сфере физической культуры, спорта и туризма: Научные труды XX Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2017. С. 344–349.
3. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2011. 448 с.
4. Любарт Т., Муширу К., Торджман С., Зенасни Ф. Психология креативности. М.: Когито-Центр, 2009.
5. Дикая Л. А., Дикий И. С. Психофизиологические корреляты творчества в норме и при психопатологии: Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. 198 с.
6. Мороз В. В. Развитие креативности студентов: монография. Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. ун-та, 2011.
7. Тараканов А. В. Развитие креативности студентов при помощи активных методов обучения в вузе // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 8. С. 65–68.
8. Boden M. The creative mind: Myths and mechanisms. NY: Basic Books, 1992.
9. Li J. Creativity in horizontal and vertical domains // Creativity Research Journal. 1997. Vol. 10, Issue 2–3. P. 107–132. DOI: [10.1080/10400419.1997.9651213](https://doi.org/10.1080/10400419.1997.9651213)
10. Туник Е. Е. Диагностика креативности: тест Е. Торренса. СПб., 1998.

REFERENCES

1. Dermanova I. B., Krylova M. A. Kreativnost', lichnostnye osobennosti i strategii sovladeniya starshikh shkol'nikov [Creativity, personality traits, and coping strategies in senior schoolchildren]. Anan'evskie chteniya, 2004. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii [Proc. the theoretical and practical conference: Ananyev readings – 2004]. St. Petersburg, 2004, pp. 384–386.
2. Rybchinskii V. P., Shengelaya S. A., Tim-

- chenko M. I. Kharakteristika vidov voobrazheniya u sportsmenov, zanimayushchikhsya sportivnoi bor'boi, v svyazi s ikh tsennostnymi orientatsiyami i lichnostnoi trevozhnost'yu [Types of imagination in athletes involved in wrestling, in connection with their value orientations and personal anxiety]. *Innovatsionnye preobrazovaniya v sfere fizicheskoi kul'tury, sporta i turizma: Nauchnye trudy XX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Proc. the 20th International theoretical and practical conference: Innovative transformations in the field of physical culture, sports, and tourism]. Rostov-on-Don, RSEI Publ, 2017, pp. 344–349.
3. Il'in E. P. *Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti* [Psychology of creativity and giftedness]. St. Petersburg, Piter Publ., 2011. 448 p.
 4. Lubart T., Mushiru H., Torgman S., Zenasni F. *Psikhologiya kreativnosti* [Psychology of creativity]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2009.
 5. Dikaya L. A., Dikii I. S. *Psikhofiziologicheskie korrelyaty tvorchestva v norme i pri psikhopatologii* [Psychophysiological correlates of creativity in norm and in psychopathology]. Rostov-on-Don, Southern Federal University, 2016. 198 p.
 6. Moroz V. V. *Razvitie kreativnosti studentov* [Development of students' creativity]. Orenburg, Orenburg State University Publ., 2011.
 7. Tarakanov A. V. Development of students' creativity using active teaching methods in high school. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*, 2012, no. 8, pp. 65–68 (in Russian).
 8. Boden M. *The creative mind: Myths and mechanisms*. NY, Basic Books, 1992.
 9. Li J. Creativity in horizontal and vertical domains. *Creativity Research Journal*, 1997, V. 10, Issue 2–3, pp. 107–132. DOI: [10.1080/10400419.1997.9651213](https://doi.org/10.1080/10400419.1997.9651213)
 10. Tunik E. E. *Diagnostika kreativnosti: test E. Torrensa* [Assessment of creativity: Torrance test]. St. Petersburg, 1998.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

Ольга С. Васильева, Александр М. Мачуха*

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

* E-mail: aleksandrinfo@bk.ru

Актуальность исследования связывается со слабой представленностью в обыденном сознании и недостаточным учетом в научной психологической парадигме конструкта личностной зрелости при высокой значимости его влияния на весь способ организации личностью процесса своей жизнедеятельности и жизни личности в социуме в целом. Личностная зрелость представляется сложным сочетанным психологическим образованием, составляющие которого ориентируют личность к элиминированию в себе психопатологических проявлений в направлении личностного саморазвития и духовного роста; процесс обретения личностной зрелости невозможен без собственной интенциозной в ее ключе ориентированности личности, но здесь также важно и содействие различных социально-педагогических институтов, организующих обучение в русле сохранения и развития различных аспектов здоровья и здорового образа жизни.

Содержание статьи посвящено анализу отдельных проявлений личностной незрелости, их связи с дисгармоничными личностными нарушениями, краткому теоретическому обобщению составляющих психологических характеристик конструкта личностной зрелости и возможностей их инструментального выявления. Акцентируется сложность научного понимания и выявления особенностей личностной зрелости; обращается особое внимание на значимость этого личностного образования для возрастного периода молодости.

Ключевые слова

личностная зрелость, личностное развитие, личностный рост, критерии зрелости, психология сингулярности, личностные нарушения, психопатическая личность, невротическая личность, нарциссизм, психологический инфантилизм

Для цитирования: Васильева О. С., Мачуха А. М. Проблема изучения личностной зрелости в психологии // Северо-Кавказский психологический вестник. 2019. № 17/2. С. 26–36.

PSYCHOLOGICAL ISSUES IN STUDYING PERSONAL MATURITY

Olga S. Vasilyeva, Aleksandr M. Machukha*

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author. E-mail: aleksandrinfo@bk.ru

Personality maturity has a considerable impact on the way individuals organize their life activity and life in society as a whole. However, the construct of personal maturity is poorly represented in everyday consciousness and still remains understudied in psychology. Personal maturity appears to be a complex psychological construct, which components orient individuals towards eliminating psychopathological manifestations in themselves, as well as towards personal self-development and spiritual growth. The process of personal maturity is impossible without personal intentional orientation. Various social and educational institutions that encourage individuals maintain and develop various aspects of health and healthy lifestyle are also important.

This paper analyzes individual manifestations of personal immaturity, their associations with disharmonious personal disorders, a brief theoretical generalization of psychological characteristics of the construct of personal maturity, and the possibilities for their identification. Particular emphasis is placed on difficulties in scientific understanding and identification of the characteristics of personal maturity and on the importance of this personal construct for the period of youth.

Keywords

personal maturity, personal development, personal growth, maturity criteria, psychology of singularity, personality disorders, psychopathic personality, neurotic personality, narcissism, psychological infantilism

For citation: Vasilyeva O. S., Machukha A. M. Psychological issues in studying personal maturity. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2019, no. 17/2, pp. 26–36 (in Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения проблематики личностной зрелости в психологии обусловлена тотальностью влияния процессов незрелости/зрелости на психическое развитие и состояние индивида, на качественные характеристики его активности и адаптации. Но если показатели биологической незрелости/зрелости очевидны для большинства людей, проявляют себя в периоды возрастного развития и особенно заметны ко времени взросления человека и его вхождения во взрослую жизнь, то для боль-

шинства людей именно личностная зрелость не выступает самостоятельным критерием оценивания. Однако и здесь постепенно накапливаемое общественное мнение о человеке может выделять у него те или иные индивидуально характеризующие его «отклонения» от «других»: эти вещи обсуждаются как впечатления о нем соседей, сотрудников и др., обывателями фиксируется конфликтность человека, непоследовательность его поступков, заносчивость, вздорность и т. д. Но системному анализу подобное поведение чаще всего (до поры) не под-

вергается, и здесь даже специалистами из различных областей человекознания (педагоги, социологи, психологи, юристы, политологи, руководители подразделений, нередко врачи различных специальностей, в том числе психиатры и т. д.) не производится обобщающий вывод о степени личностной деформации, или, наоборот, – глубины и широты личности, что как раз прямо связано с уровнем личностной зрелости. Особую актуальность проблематика личностной зрелости, ее становления и развития, имеет в молодости, когда открываются (или, в связи с отсутствием стремления человека к личностному развитию и росту, – закрываются) многие жизненные «дороги» (семьи, карьеры, акмеологического становления, в целом – качественной постановки смыслов и реализации всех жизненных целей и планов).

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Как ряд «сквозных» феноменов, таких как здоровье, счастье, удовлетворенность жизнью, любовь и т. д., личностная зрелость для большинства обывателей представляется чем-то имманентным: «либо она есть, либо ее нет». Но, в отличие от большинства перечисленных выше и близких к ним эпифеноменов, личностная зрелость как собственный конструкт широкой публикой часто не обсуждается, и здесь нередки обобщения: «взрослый, значит и личностно зрелый». В связи с этой «бытовой» парадигмой анализ личностной зрелости как отдельного психологического конструкта нередко не оказывается в поле зрения большей части психологов-профессионалов. Кроме того, любое из названных явлений (любовь, счастье и ряд других) настолько дискурсивны в их семантической и смысловой неопределенности для восприятия учеными, насколько они могут выступать и темами для споров в «кухонных беседах» неспециалистов. При этом анализ показывает, что соматическое здоровье для не медиков чаще всего выступает наличествующим состоянием, в то время как для врачей и непосредственно его изучающих – постоянным «деланием» этого здоровья, т. е. активным процессом [1]. Для многих людей категория счастья, благополучия и удовлетворенности жизнью часто синонимичны, но изучающие эти процессы

специалисты их строго разводят и расставляют акценты в специфике переживаний этих явлений для разных категорий людей (так, по данным Б. К. Баймухановой [2], глубоко верующие люди гораздо чаще считают себя счастливыми). Под любовью понимается очень широкий круг явлений, и это находит свое глубокое отражение уже в языке: от «заниматься любовью» до – «любить поест» или «любить свое дело».

И если для указанных явлений (здоровье, счастье, любовь и др.) дефиниция «состояния» все более переходит в дефиницию «процесса», то личностная зрелость в еще большей своей выраженности является результатом «делания». При этом, если такие феномены, как любовь, здоровье, счастье и ряд других, могут быть отнесены к сингулярным, и их описание очень многомерно, то конструкт личностной зрелости в настоящее время более или менее определен, но саму личностную зрелость как явление также сближает с сингулярными процессами и состояниями «наращивание» у человека желания и возможности ими управлять. Кроме того, именно реализация этого управления как перманентного процесса и состояния одновременно и развивает внутренний мир личности и ведет к росту индивидуальности в ее аутентичности.

Проявление личностной незрелости у отдельных ее членов, хотя и неприятны для других людей (это и глубочайшая убежденность нетрезвых людей, садящихся за руль, в том, что «со мной ничего не случится», корни которой в инфантильно-нарциссическом чувстве детского всемогущества, и эгоизм молодых мам, полностью игнорирующих не всегда безопасное поведение своих детей на детской площадке, и т. д.), но при прохождении обществом серьезных кризисов, к числу которых может быть отнесено, например, его экономическое и социальное расслоение, схожие с перечисленными поведенческие реакции выглядят особенно неприемлемо. Такое и подобное ему поведение вскрывают внутреннюю пустоту личности, нередко ее зависимое поведение – от самоутверждения властью, деньгами и пр., рентную установку человека в отношении всего общества в целом (см. [3, 4]).

Поведенческие инфантильные реакции других людей нам, как правило, приятны и вызы-

вают умиление, если это образы художественных героев, особенно если сюжет комедийный. Это и Людмила в «Королеве бензоколонки», и Тося Кислицина в «Девчатах», и Душечка в «Джазе только девушки», и Тоня Царько в «Ликвидации». Образы таких девушек, особенно у мужчин, своей непосредственностью вызывают желание покровительства (а в подоплеке – ожидание более высокой их доступности). Мужские же образы (например, Эдик Пинкин в «Шулере»), как равно и целостно-семейные образы (Олег, а также вся семья Бобровых в сериале «СуперБобровы») чаще всего вызывают милую симпатию, истинная основа которой зачастую проста: «ну это совсем на меня не похоже». В жизни же частичный инфантилизм часто ведет к внутрисемейным (да и во всех иных сферах жизнедеятельности) конфликтам. А именно в парциальной форме чаще всего можно наблюдать проявления инфантилизма: жена, не способная готовить или заниматься домашним хозяйством, в основном, потому, что всю ее жизнь это делала мама (но главное состоит в том, что по определенным причинам девочка не идентифицировала себя с нею, и у нее не в полной мере развита достаточная гендерная ролевая идентичность), привыкший к симбиотическим отношениям мужчина, не стремящийся заботиться о материальном благополучии своей семьи, – жизнь же в целом содержит очень богатый список аналогичных примеров.

Недостаточная личностная зрелость человека далеко не всегда имеет свои проявления в инфантилизме и далеко не всегда так очевидна в быту или в близком общении, но именно здесь ее пагубность одновременно и очевидна, и достаточно быстро заметна по своей негативной результативности.

Значительно хуже обстоит дело, когда человек с ее проявлениями обретает те или иные властные полномочия, и в этой связи проблема воспитания нового поколения молодежи, способного взять на себя ответственность за будущее страны, актуальна для нас на эпохальном уровне: нарастающая кризисность мирового сообщества накладывается на множество нерешенных экономических и социальных проблем внутри нашей державы, а социально-экономическое расслоение людей внутри страны все

более укрепляет состояние отчаяния и безнадёжности у широких масс населения. При этом идеологические послы 20–30-х гг. прошлого столетия, благодаря которым полуголодные, но желающие счастливого будущего для себя и своих детей (и верящие в него) народные массы произвели коллективизацию сельского хозяйства и индустриализацию всей страны, что позволило преодолеть все тяготы ВОВ и ее последствий, уже вряд ли сработают.

Формация современного общества, как социально-культурной, да в целом и психологической и экономической систем, – это общество постмодернизма.

Искажение философских идей постмодернизма (обзор по [5, 6] и др.), как и ряда глобальных, изначально направленных на понимание природы человека, глубоких научных идей (трансформация дарвинизма в социальный дарвинизм и национал-шовинизм, редукция психоанализа до человеческого стремления к принципу удовольствия, а идей бихевиоризма – до манипулятивности в раскладывании товаров на полках супермаркетов) привели к стойкому извращению понимания социальной реальности и всей природы человека. Это и концепт множественности истин Ж.-Ф. Лиотара, «приведенный» до идей допущения гомосексуальных браков и отрицания национальной идентичности (мультикультурализма); и концепт ризомы Ж. Делёза – Ф. Гваттари, редуцированный до отрицания ряда бинаров, в том числе и «нравственное – безнравственное»; и лакановская идея желания (вытесненного конфликта, вины, отрицания как присутствия Другого), переведенная в фарс потребительства («все для Вашего желания и за Ваши деньги»); и – идея бриколажа К. Леви-Стросса как художественного стиля, переведенная в циничное и бездумное смешение стилей, смыслов, идей, ценностей; и концепт иронии с ее обесцениванием достижений прошлого. Сюда же примыкают концепт деконструкции (Ж. Деррида), концепт симулякров (Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз) и концепт «общества спектакля», что в своей совокупности нашло себя и в отрицании индивидуальности с высокой готовностью (как следствие) принятия обществом «Окон Овертона», и в готовности к тому, что мы чаще лишь «зрители», а не «участники» жизни Других и нашей собственной,

и к ряду других «деиндивидуализаций» современного человека.

Базируясь на таком новом философском понимании человека современности, всё это давно используется с выгодой для себя определенными (властными) слоями общества и распространило свое применение уже не на отдельные страны, а на весь мир, особенно если страны эти не объединены внутри себя строгими национальными традициями, жесткой идеологией или национальной и религиозной идеями.

Именно в этой связи современному обществу, особенно отечественному, требуются люди, обладающие не только широким спектром профессиональных знаний и навыков, но и глубоко психологичные, проницательные, широко образованные, хорошо разбирающиеся в общественно-политических процессах и ситуациях, и, кроме того, имеющие глубокие потенциалы личностного развития и самостановления. Но самое главное требование к ним – наличие патриотизма и нравственной целостности. Фактически – это те качества, которые возвращают нас к своим национальным корням и идентичности с наиболее яркими представителями нашей Родины. И именно такие персональные характеристики в своей основе отражает концепт личностной зрелости.

Согласно психоаналитическим представлениям, линия «патология – здоровье личности» представлена следующим образом: могут быть выделены клинические случаи психотической личности (прежде всего шизофрения; отдельно здесь стоят больные с эндо- и экзогенными нарушениями ЦНС различной этиологии); к психотическим личностям «примыкают» так называемые «бордерлины» («пограничники»; иногда их называют психопатизированными личностями); правее на этой оси располагаются лица с невротическим развитием, и на самом правом «краю» – условно здоровые лица (примерно схожей «оси» придерживается и отечественная психиатрия, говоря, впрочем о том, что к «пограничной (малой) психиатрии» относятся и психопаты, и все больные неврозами, в том числе и лица с астеническими состояниями) (анализ по [7, 8, 9, 10, 11]).

Однако, как на это указывают отдельные авторы [12], на самом деле все выглядит значи-

тельно сложнее, и здоровых людей практически не бывает, а «включения» тех или иных нарушений (как и вполне «здоровые» проявления) можно наблюдать фактически у всех людей вне зависимости от их соотношенности к условно выделенной выше шкале норма/патология, которая всегда условна и зависит от научной парадигмы участвующего в дискурсе о здоровье.

Наиболее простой дифференциацией для нормоцентрического подхода является отделение категории психического «нездоровья», и здесь в рамках патопсихологии инструментально (с помощью разнообразного, иногда весьма ограниченного как «необходимо достаточного» тестового материала) можно легко выделить людей с психопатическими нарушениями и невротическим развитием личности (см., в частности, [13] и др.).

Однако общество устроено таким образом, что даже психопаты, если они по вполне конкретным причинам не попали в поле зрения психиатрических организаций (например, «косящие» от армии и вставшие в этой связи на диспансерный учет), могут легко получать справку об уровне своего «достаточного» здоровья и, например, иметь водительское удостоверение (правда, все проверки на право ношение оружия, службы в МВД и прочих схожих структурах в нашей стране достаточно строги).

Условность границ патология/норма объясняется также и национальными особенностями: так, эпилептоидная акцентуация (с ее агрессивной «вязкостью») признается только в нашей стране и во Франции: если в США, Германии, Британии, Австралии, Ирландии, Канаде и ряде других стран мужская, а нередко, и женская «брутальность» приветствуются, то такое заострение характера, «естественно», никак не может быть означено в качестве личностной патологии [14].

Как это подчеркивает О. Н. Павлова [15], особо означенной и почти ключевой в современном обществе выступает проблема нарциссизма: по сути, все наше существование здесь проходит под насаждаемыми массмедиа слоганами типа «ты самая лучшая», «этот автомобиль предназначен только для самого крутого мужчины» и т. д.

Американская психиатрическая ассоциация (см. [16]) выделяет 9-ти ключевых признаков нарциссизма, но лишь одновременное наличие 5-ти из них на протяжении не менее чем полугода позволяет в США ставить такой диагноз. В отечественной же психиатрии такого диагноза вообще не выделяется, и это, скорее всего, связано с тем, что она более ориентирована не на личность (как психология), а на лечение, и при этом, преимущественно, на медикаментозное.

Нарциссизм – это, по Д. Винникотту, «фальшивое селф» (см. [4]), при котором человек старается скрыть свое истинное Я, понимая, что оно не соответствует тому образу, который человек демонстрирует. Далее все это закрепляется, и уже сам человек становится уверен в том, что «если я занимаю это место, то я его достоин», или – «если я заработал так много, то, значит, я умнее других», и т. д. И если психопатия и невротическое развитие – это преимущественно продукты первичных объектных отношений [17] и воспитательной парадигмы [18], то нарциссизм, имея «закладки» в детстве, может «находить себя» и во взрослом возрасте в процессе искаженной социализации (см. [11, 19, 20]). При этом Х. Кохут [21] считает нарциссизм «подложкой» всех личностных нарушений.

У. Р. Бион [22], обсуждая психотическую личность, указывает на то, что такой человек относится к другим людям как к неживым вещам. Близкое к этому отношение демонстрируют и психопаты: по ряду наблюдений они не способны к эмпатии и любви, они постоянно ориентированы только на использование других людей и собственную выгоду и т. д. [18]. При этом основные проблемы невротической личности связаны с зависимостью от отношений [23], нарциссической (если здесь нет сильной связи с другими личностными нарушениями), – доказательством всем и себе, что «я достоин», «я лучший» [10].

Как следствие, в подавляющем большинстве случаев личность, имеющая подобные нарушения своего развития, будет постоянно в процессе своей жизни «отрабатывать» имеющийся у нее жизненный сценарий и, как следствие, будет не способна на решение глобальных вопросов, лежащих вне рамок ее эгоизма и эгоцентризма.

Таким образом, если психоанализ – это своеобразное «движение человека снизу», из нерешенной проблематики детства, то формирование здорового целеполагания и жизнеутверждающих смыслов, не идущих вразрез с христианской (или общечеловеческой) моралью, – это «движение сверху» в процессуальном векторе от личностной стагнации к ее росту. При этом, изначально, чем здоровее личность, тем больше вероятность того, что она не «скатится» рано или поздно в процессе своего «движения к цели» в решение своих личностных проблем, что блокирует или исказит всю декларируемую ею социальную полезность. Да и сам вопрос качественных характеристик целеполагания, как следствие, необходимо связывать с проблемой личностной зрелости и психологического здоровья личности.

В этой связи, безусловно, также актуально и исследование, и формирование у молодых людей, ориентированных на управленческую деятельность, психологической (личностной) зрелости как основы «вершения» «дел государственных». И здесь, если психологическое здоровье (психическое здоровье – это отсутствие явной патологии) – это процесс «делания» (как и процесс здоровья вообще: здоровье – это не просто «заданность», а именно «делание» как процесс), это процесс движения, даже не всегда в полной мере осознаваемый (скорее как привычка), то личностная зрелость – это, больше, статичное состояние, «уже сделанность», однако требующее постоянного самоконтроля, рефлексии и самокоррекции.

При этом, если аспекты психического здоровья отчасти детерминированы генетически (сила и сбалансированность нервной системы) и во многом зависят от качества первичных объектных отношений (с материнским объектом и далее – триангулярных, включающих отношения с отцом как с фигурой, уже отличной от материнской), то аспекты психологического здоровья во многом могут быть определены особенностями воспитания, самовоспитания и всей социализации личности, на что существенное влияние оказывают социальные средовые факторы. И главными здесь оказываются организации, оказывающие педагогическое воздействие – школа, иные учебные и развивающие учреждения, и, тем более, вузы, а также

все иные агенты, оказывающие организованное психологическое воздействие на человека (психологические и социально-психологические группы и тренинги, коуч-группы и т. д.; здесь проявляется их особая ответственность).

В настоящее время отмечается существенный интерес к проблеме личностной зрелости в психологии, и имеется немалое число работ, обобщающих мнения различных ученых по этому вопросу.

Так, например, Л. Л. Скворцова [24], проводя анализ различных концепций личности, выделяет 14 обобщающих критериев личностной зрелости:

1) *идентичность* как чувство адекватности и стабильности владения личностью своим Я, вне зависимости от изменений ситуации и самой личности (Э. Фромм, Э. Эриксон, И. А. Шляпникова, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова);

2) *автономия* как механизм личностной саморегуляции и самодетерминации, реализуемый в виде осознанных выборов способов действия, одновременно учитывающий внешние обстоятельства и стремления человека (К. Роджерс, Э. Фромм, Э. Гринбергер, Ф. Перлз, Р. Кеган, К. А. Абульханова, Д. А. Леонтьев, А. Л. Журавлёв, С. К. Нартова-Бочавер);

3) *осмысленность* как видение смысла и переживание субъективной значимости предметов и событий, выстраивание собственной системы ценностей, жизненной перспективы и стратегических целей (Г. Олпорт, К. Роджерс, В. Франкл, Д. А. Леонтьев, Е. Е. Сапогова);

4) *ответственность* как признание авторства своих поступков и их последствий (Ф. Перлз, А. Г. Асмолов, В. М. Русалов, Л. И. Дементий, А. А. Реан, К. А. Абульханова, А. Л. Журавлев);

5) *жизнестойкость* как умение противостоять стрессу с сохранением внутренней сбалансированности и успешности деятельности (Г. Олпорт, А. Адлер, А. Маслоу, С. Кук-Гройтер, Е. Е. Сапогова);

6) *рефлексивность* как средоточие внимания на своем сознании, поступках, своей активности и их осмысление и переосмысление (К. Роджерс, Г. Олпорт, Ф. Перлз, А. Ленгле, Л. И. Анциферова, Н. Е. Харламенкова);

7) *позитивное самоотношение* как ощу-

щение своей ценности, принятие и вера в себя (Г. Олпорт, А. Маслоу, А. Ленгле, Е. С. Штепа);

8) *духовность* как ориентированность на высшие человеческие ценности (А. Маслоу, А. А. Бодалев, В. М. Русалов);

9) *коммуникативная компетентность* как способность устанавливать и поддерживать социальные связи и отношения (Ф. Перлз, Э. Гринбергер, А. Адлер);

10) *интимность* как способность к состраданию и построению теплых близких взаимоотношений (А. Адлер, Э. Фромм, Э. Эриксон, Г. Олпорт);

11) *социальная активность* как способность к производству социально значимых преобразований (А. Адлер, Г. Олпорт, Э. Фромм, Э. Гринберг, В. М. Русалов, К. А. Абульханова, Е. Е. Сапогова);

12) *саморазвитие* как способность к улучшению себя и своей жизни (А. Маслоу, К. Роджерс, Дж. Келли, Г. Олпорт, Е. Е. Сапогова, А. А. Реан);

13) *межличностная толерантность* как способность признавать и уважать права других людей на проявление их индивидуальности (Г. Олпорт, Э. Гринберг, Е. С. Штепа, А. А. Реан);

14) *интеллектуальный потенциал* как возможность восприятия информации и принятия эффективных решений (Г. Олпорт, А. Маслоу, С. Кук-Гройт, Дж. Левинжер).

Проблема личностной зрелости продолжает привлекать внимание исследователей (см., например, [25, 26]). Вместе с предлагаемой методологией по изучению отдельных компонентов личностной зрелости – жизнестойкости, осмысленности жизни (в рамках смысложизненных ориентаций), рефлексивности, ответственности и т. д. – отдельными авторами разработаны и предложены методики для ее комплексного анализа [27, 28]. Но и здесь остается целый ряд нерешенных вопросов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сам концепт личностной зрелости как психологического явления в широкой степени обширен, и каждое из уже выделенных (но со всей очевидностью могут быть и другие) ее проявлений (механизмы саморегуляции и самодетерминации личности, ее ответственность, способность любить не только во фроммовском понимании, «отдавая себя», отдавая субъекту

любви именно необходимые ему аспекты заботы, но – и как прямое выражение интимности с Другим, немислимой без психологической интимности с собой [29], – способность к саморазвитию, жизнестойкость, смыслотворчество как стремление к высшим и духовным смыслам, и т. д.) являются предметами глубокого осмысления. И сам процесс этого осмысления не одномоментен и не конечен, и, естественно, дискуссионен с точки зрения различных научных подходов и парадигм их понимания.

Объединение различных «входящих» в личностную зрелость проявлений и характеристик, скорее всего, и множественно в «схеме» своего объединения (т. е. совокупное наличие лишь некоторых из них вряд ли может быть понято именно как личностная зрелость, но уже их наличие задает интенции развития личности), и глубоко индивидуально для каждого человека в срезе качественно-количественного объединения этих отдельных явлений и их выраженности, и синергично, в плане не их суммы, а взаимоувеличения.

Со всей очевидностью проявления личностной зрелости глубоко индивидуальны для каждого человека и зависят от уровня его психического и психологического здоровья, но – в более существенной степени – также от его собственного стремления к личностному саморазвитию и росту. При этом чрезвычайную роль в становлении личностной зрелости имеют процессы педагогического участия внешних институтов (семьи, образовательных учреждений, трудового коллектива и т. д.) и всего опыта социализации человека. Также необходимо иметь в виду, что на процесс становления личностной зрелости оказывает непосредственное участие весь жизненный опыт индивида и мудрости пережитого, однако если человек не вызывает должной заинтересованности в аспектах внутреннего самопоиска, то «работа» всех перечисленных социальных институтов может оказаться малорезультативной.

Широта и глубина явлений, образующих психологическую зрелость, делает весьма затруднительным их изучение с помощью наличествующего в психологии инструментария, что, однако, никак нельзя ставить укором авторам, уже разработавшим тестовую или иную исследовательскую базу для анализа отдель-

ных «составляющих» личностной зрелости (как, например, жизнестойкости, осмысленности, локуса контроля и т. д.) и продолжающих аналогичную деятельность. И дело здесь не только в том, что различные люди характеризуются различной психологической самопроницаемостью, и не всем и не всегда оказывается понятен смысл отдельных используемых в методике вербальных конструкций (в этой связи ряд из них нередко упрощается авторами методик), но также – и сложностью соотношений означаемого и означающего. И здесь само означаемое очень сложно и специфично как психологическое явление, а множественность его коннотатов может оказаться слишком неточной для отображения сложности самого денотата, отражающего «входящие» для личностной зрелости.

Тем не менее, научное изучение, в том числе таких сложных явлений, как личностная зрелость, крайне необходимо даже на уровне накопления знаний о них, т. к. рано или поздно количество переходит в качество, а особенностью феномена личностной зрелости, даже для атеистически настроенных лиц, является возникающая у человека возможность организовать собственную личность не только по подобию, а и по образу Бога, и, если мы его так старательно «убиваем» уже примерно с конца XVIII столетия, то Бог нужен нам хотя бы в качестве нашего непогрешимого Я-идеала, т. е. самого лучшего для всего человечества образа Я-идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куликова И. В. Особенности эмоционального компонента внутренней картины здоровья у врачей и людей без медицинского образования // Сборник статей конференции. Самара: Офорт, 2015. С. 105–107.
2. Баймуханова Б. К. Понятие «счастье» и его психологические особенности // Вестник науки и образования. 2018. № 17–1(53). С. 111–113.
3. Васильева Е. А. К постановке проблемы зависимого поведения // Научный альманах. 2016. № 4–4(18). С. 201–206.
4. Соколов С. Е. Человек в пустоте. Пустота в человеке // Вестник психотерапии. 2006. № 16. С. 136–146.
5. Емелин В. А. Лабиринты постмодернизма: идентификация ускользающего смысла //

- Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 65–76.
6. Кафтан В. В. Постмодернистские основания репрезентации современной войны // Гуманитарные науки. Вестники Финансового университета. 2015. № 3(19). С. 58–65.
 7. Александровский Ю. А. Пограничные психические расстройства. М.: Медицина, 2000.
 8. Grinberg L. An approach to understanding borderline disorders // *Borderline Personality Disorders*. New York: International Universities Press, 1977.
 9. Grotstein J. The psychoanalytic concept of the borderline organization // *Advances in Psychotherapy of the Borderline Patient*. New York: Jason Aronson, 1979.
 10. Kernberg O. Borderline conditions and pathological narcissism. New York: Jason Aronson, 1975.
 11. Schwartz-Salant N. The dead self in borderline personality disorders // *Pathologies of the Modern Self*. New York: New York University Press, 1987.
 12. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
 13. Рубинштейн С. Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике. Практическое руководство. М.: Апрель-Пресс, Психотерапия, 2007.
 14. Бурно М. Е. О характерах людей. М.: Академический проект, 2018.
 15. Павлова О. Н. Цивилизационный феномен нарциссизма: векторы объективизации в парадигме психоанализа // *Вопросы философии*. 2010. № 6. С. 20–32.
 16. Шамшикова О. А., Клепикова Н. М. Операционализация понятия «нарциссизм» в пределах психической нормы // *Мир науки, культуры, образования*. 2011. № 3(28). С. 151–158.
 17. Stern D. The Interpersonal World of the Infant: A View from Psychoanalysis and Developmental Psychology. New York: Basic Books, 1985.
 18. Johnson S. Characterological transformation: The hard work miracle. New York: Norton, 1985.
 19. Johnson S. Humanizing the narcissistic style. New York: Norton, 1987.
 20. Kohut H. *The Analysis of the Self*. New York: International Universities Press, 1971.
 21. Kohut H. Thoughts on narcissism and narcissistic rage // *Psychoanalytic Study of the Child*. 1972. 27. P. 360–400.
 22. Bion W. R. Development of schizophrenic thought // *International Journal of Psychoanalysis*. 1967. Vol. 37. P. 344–346.
 23. Шаниро Д. Невротические стили. М.: ИОИ, 2016.
 24. Скворцова Л. Л. Сравнительный анализ имплицитных концепций личностной зрелости // *Збірник наукових праць академії післядипломної адукації*. 2016. № 14. С. 380–395.
 25. Лишаев С. А. От детства к зрелости (феномен пролонгации молодости и современность) // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: философия, филология*. 2016. № 2(20). С. 110–132.
 26. Бондаренко О. В. О компонентах понятия «личностная зрелость» // 1st European Conference on Education and Applied Psychology (15 октября 2017). Hamilton, Canada, 2017. С. 8–12.
 27. Руженков В. А., Руженкова В. В., Лукьянцева И. С. Методика диагностики личностной зрелости // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина*. 2016. Вып. 36, № 26 (247). С. 65–70.
 28. Смельцова А. С., Щукина М. А. «Личностная зрелость руководителя»: разработка и первичная психометрическая проверка опросника // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2018. № 2. С. 102–112.
 29. McWilliams N. The psychology of the altruist // *Psychoanalytic Psychology*. 1984. Vol. 1. P. 193–213. DOI: [10.1037/h0085103](https://doi.org/10.1037/h0085103)

REFERENCES

1. Kulikova I. V. Features of emotional component of subjective pattern of health in physicians and individuals without medical education. In: *Sbornik statei konferentsii* [Collection of articles of the conference]. Samara, Ofort Publ., 2015, pp. 105–107.
2. Baimukhanova B. K. The concept of happiness and its psychological characteristics. *Vestnik nauki i obrazovaniya – Bulletin of Science and*

- Education*, 2018, no. 17–1 (53), pp. 111–113 (in Russian).
3. Vasil'eva E. A. Formulating the problem of dependent behavior. *Nauchnyi al'manakh – Scientific Almanac*, 2016, no. 4–4 (18), pp. 201–206 (in Russian).
 4. Sokolov S. E. A man in emptiness. Emptiness in a man. *Vestnik psikhoterapii – Bulletin of Psychotherapy*, 2006, no. 16, pp. 136–146 (in Russian).
 5. Emelin V. A. Labyrinths of postmodernism: identification of an elusive meaning. In: *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2010, no. 3, pp. 65–76.
 6. Kaftan V. V. Postmodern foundations of the representation of modern warfare. Gumanitarnye nauki. *Vestniki Finansovogo universiteta – Humanities. Bulletin of the Financial University*, 2015, no. 3 (19), pp. 58–65 (in Russian).
 7. Aleksandrovskii Yu. A. *Pogranichnye psikhicheskie rasstroistva* [Borderline mental disorders]. Moscow, Meditsina Publ., 2000.
 8. Grinberg L. An approach to understanding borderline disorders. *Borderline Personality Disorders*. New York, International Universities Press, 1977.
 9. Grotstein J. The psychoanalytic concept of the borderline organization. *Advances in Psychotherapy of the Borderline Patient*. New York, Jason Aronson, 1979.
 10. Kernberg O. *Borderline conditions and pathological narcissism*. New York, Jason Aronson, 1975.
 11. Schwartz-Salant N. The dead self in borderline personality disorders. *Pathologies of the Modern Self*. New York, New York University Press, 1987.
 12. Mc-Williams N. *Psychoanalytic diagnostics: understanding personality structure in the clinical process*. Moscow, Klass Publ., 1998 (in Russian).
 13. Rubinshtein S. Ya. *Eksperimental'nye metodiki patopsikhologii i opyt primeneniya ikh v klinike. Prakticheskoe rukovodstvo* [Experimental methods of pathopsychology and the experience of their use in the clinic (practical guide)]. Moscow, Aprel'-Press, Psikhoterapiya Publ., 2007.
 14. Burno M. E. *O kharakterakh lyudei* [On the characters of individuals]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018.
 15. Pavlova O. N. The civilization phenomenon of narcissism: Objectivization vectors in the paradigm of psychoanalysis. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 6, pp. 20–32 (in Russian).
 16. Shamshikova O. A., Klepikova N. M. Operational definition of narcissism within the mental norm. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of Science, Culture, and Education*, 2011, no. 3 (28), pp. 151–158 (in Russian).
 17. Stern D. *The interpersonal world of the infant: A view from psychoanalysis and developmental psychology*. New York, Basic Books, 1985.
 18. Johnson S. *Characterological transformation: The hard work miracle*. New York, Norton, 1985.
 19. Johnson S. *Humanizing the narcissistic style*. New York, Norton, 1987.
 20. Kohut H. *The analysis of the self*. New York, International Universities Press, 1971.
 21. Kohut H. Thoughts on narcissism and narcissistic rage. *Psychoanalytic Study of the Child*, 1972, 27, pp. 360–400.
 22. Bion W. R. Development of schizophrenic thought. *International Journal of Psycho-Analysis*, 1967, V. 37, pp. 344–346.
 23. Shapiro D. *Nevroticheskie stili* [Neurotic styles]. Moscow, IOI Publ., 2016.
 24. Skvortsova L. L. Comparative analysis of implicit concepts of personal maturity. *Zbornik navukovykh prats akademii paslyadyplomnai adukatsyi (Collection of Scientific Works of the Academy of Postgraduate Education)*, 2016, no. 14, pp. 380–395 (in Russian).
 25. Lishaev S. A. From childhood to maturity: the phenomenon of youth prolongation and modernity. *Vestnik Samarskoi humanitarnoi akademii. Seriya: filosofiya, filologiya – Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series Philosophy, Philology*, 2016, no. 2 (20), pp. 110–132 (in Russian).
 26. Bondarenko O. V. O komponentakh ponyatiya "lichnostnaya zrelost'" [The components of the concept of personal maturity]. *1st European Conference on Education and Applied Psychology* (October 15, 2017). Hamilton, Canada, 2017, pp. 8–12.
 27. Ruzhenkov V. A., Ruzhenkova V. V., Luk'yantseva I. S. Diagnostics of personal maturity. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Reports of*

- Belgorod State University. Series Medicine*, 2016, Issue 36, no. 26 (247), pp. 65–70 (in Russian).
28. Smel'tsova A. S., Shchukina M. A. A Leader's Personal Maturity: Development and initial psychometric verification of the questionnaire. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Bulletin of Vyatka State Humanitarian University*, 2018, no. 2, pp. 102–112 (in Russian).
29. McWilliams N. The psychology of the altruist. *Psychoanalytic Psychology*, 1984, V. 1, pp. 193–213. DOI: [10.1037/h0085103](https://doi.org/10.1037/h0085103)

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Требования к публикациям

Статьи принимаются в электронном варианте в формате редактора Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать шрифт Times New Roman.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]).

К статье прилагаются аннотация (объемом 200–250 слов) и ключевые слова (10 слов и/или словосочетаний, состоящих не более чем из 2-х слов), а также сведения об авторе:

- 1) фамилия, имя и отчество;
- 2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
- 3) специальность, ученое звание;
- 4) место работы и должность, служебный телефон;
- 5) электронный адрес (e-mail).

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ, НАЗВАНИЕ СТАТЬИ,
АННОТАЦИЮ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
СЛЕДУЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКЖЕ
И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.**

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 140, к. 114, редакция
e-mail: editor@rpj.ru

Веб-сайт журнала: skpv.sfedu.ru

NORTH-CAUCASIAN PSYCHOLOGICAL BULLETIN

REQUIREMENTS TO PUBLICATIONS

Articles are accepted in electronic form in Word format, typed with 14 size through the 1.5 computer interval (all margins 2.0 cm), with capacity from 10 to 20 pages, including the list of references. Use the font "Times New Roman".

Literature cited in the article (author, title, place, publisher and year of publication) is given in alphabetical order in a list at the end. Literature in foreign languages is given after domestic. In the text reference to the source is done by indicating (in brackets) the serial number of the cited book or article, after the comma – cited pages (eg, [42, P. 561]).

Abstract (200–250 words) and keywords (10 items of words and/or phrases, consisting of no more than 2 words), as well as information about the author, are attached to the article:

- 1) surname, name and patronymic;
- 2) home post address, telephone number;
- 3) specialty, academic rank;
- 4) the place of work and position, official telephone;
- 5) e-mail.

**INFORMATION ABOUT THE AUTHOR, TITLE,
ABSTRACT AND KEYWORDS
SHOULD BE GIVEN
ALSO IN ENGLISH.**

For all issues about publications, contact:
Editorial Office (of. 114), b. 140, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006
e-mail: editor@rpj.ru.com

Web site: skpv.sfedu.ru